

Мир над пропастью

Автор:

Олег Рой

Мир над пропастью

Олег Юрьевич Рой

Первоклассный лирический и драматический роман, созданный в лучших традициях русской реалистичной прозы. История главного героя печальна, но в то же время позитивна и пропитана настоящим душевным теплом.

Как бы ты ни был счастлив, постоянно стоит помнить о том, что весь твой мир, в сущности, висит на волоске над пропастью. Ещё вчера у Игоря Быкова было почти всё, о чём можно мечтать: обожаемая семья, любимая работа, привычная и налаженная жизнь. Но всё это рухнуло в единый миг, когда дочка Настёна попала под машину...

Многие годы роман «Мир над пропастью» уверенно сохраняет свои позиции в топе лучших произведений современных отечественных авторов. Читатели отмечают, что книга Олега Роя стала для них поддержкой и советчиком в самых нелёгких жизненных ситуациях, помогла найти в себе силы справиться со всеми трудностями и вновь обрести надежду и желание жить.

Олег Рой

Мир над пропастью

Сидни Шелдон говорил о технике сочинительства:

«Я пытаюсь писать так, чтобы читатель не мог закрыть мои книги...» Подобное можно сказать о писательском кредо Олега Роя. Увлекательнейшие истории,

неожиданные сюжетные повороты, яркие образы сильных, незаурядных личностей стали причиной обращения кинематографа к творчеству писателя.

По его романам снимаются фильмы в России, Америке. Характеры персонажей автора раскрыты с удивительной глубиной и психологической точностью. Олег Рой пишет о вечном – о КАПРИЗАХ СУДЬБЫ, которая сегодня может лишит человека всего, что дорого в жизни, а завтра невзначай вернуть радость бытия. Но его герои, оказавшись на распутье, находят шанс, который дает им провидение, и становятся счастливыми. Перелистывая последнюю страницу захватывающего повествования, испытываешь жалость, что книга закончилась.

А. Маринина

Глава 1

Калейдоскоп воспоминаний

Облетела листва, у природы свое обновление,

И туманы ночами стоят и стоят над рекой...

Песня, звучавшая из старенького динамика в центральном парке Озерска, соответствовала не только погоде, но и настроению Игоря.

Середина осени в этом году отличилась неожиданно теплыми днями и холодными, промозглыми ночами, отчего туманными были не только ночи, но и большая часть утра.

Восьми-, вернее, уже почти девятилетняя Ася, она же Настена, которую Игорь каждое утро отводил через парк в школу, ужасно боялась этой молочно-белой непроглядной пелены. И вложив свою маленькую ладошку в отцовскую руку, другой рукой, для верности, придерживала Игоря за край куртки. Отчего-то ей

казалось, что так безопаснее.

Путь был не то чтобы очень длинный, но и не короткий. Игорь шел медленно, подстраиваясь под мелкие шажки дочери.

Обычно она подпрыгивала на ходу. Или убегала вперед, а потом разворачивалась и мчалась навстречу, с радостным криком бросаясь в его объятия. Но сейчас дочка шла рядом притихшая и настороженная.

Запах жженой листвы Игорь обожал с детства. Возможно, потому, что с осенними месяцами в его жизни были связаны важные и невероятно счастливые события. Во-первых, сам он родился в конце октября. Чем собственный день рождения не повод для радости?

В дружной семье Быковых он был единственным ребенком. Да еще поздним, а потому особенно долгожданным. Откровенно говоря, баловали его невероятно. Родные и близкие готовы были жить для него двадцать четыре часа в сутки и семь дней в неделю.

А уж такие события, как день рождения и именины (в его семье праздновали и то и другое), естественно, выделялись особо. Меню для детского праздника начинали обсуждать чуть ли не за месяц. Мама и бабушка проявляли такую изобретательность, что их творения впору было отправлять на конкурс кулинаров.

А какие ему дарили подарки! Жили они небогато, и, даже будучи совсем маленьким, Игорь понимал, что любящим его взрослым приходится себе в чем-то отказывать, чтобы накопить, например, на электрическую железную дорогу или громадный конструктор.

Случалось, подарки бывали и некстати. Когда он в двенадцать лет, незадолго до дня рождения, увлекся фотографией, этот факт отчего-то остался не замечен родственниками. И вместо долгожданного фотоаппарата ему преподнесли игрушечный автопарк с большим гаражом и пультом управления для машин, по которому он сходил с ума аж полгода назад. Игорь никак не показал своего разочарования. Более того, старательно изобразил восторг и даже устроил показательную игру под умильными взглядами родителей и бабушки, уверенных, что доставили ему самую большую в мире радость.

Мальчик любил родных. Ему в душу навсегда запал разговор, подслушанный как-то в маленькой кладовке около кухни, куда бабушка послала его за прошлогодней подшивкой «Работницы».

Он немного замешкался, изучая содержимое ящика с инструментами, потом спохватился, ведь бабушка не любила ждать, быстро нашел нужную стопку и собрался уже вернуться в комнату, когда услышал разговор, во многом определивший его отношение к жизни.

– Эх, Толя, избалованный вырастет у вас пацан, – назидательно увещевал сослуживец отца, толстый и усатый Михаил Тимофеевич (видимо, они с отцом зашли перекусить в обеденный перерыв, такое изредка случалось). – Так с дитями нельзя! Это он сейчас у тебя такой послушный, а как вырастет – наплачетесь вы с ним. Ни к чему им все время потакать!

Дальше последовал длинный монолог о воспитании с теоретическими выкладками и практическими примерами. Из этого монолога мальчик почти ничего не понял, но слушал внимательно.

Сам «Макаренко» – дядя Миша – имел двоих сыновей, один из которых сидел в тюрьме, а второй был запойным алкоголиком. Но об этом Игорю стало известно уже много лет спустя.

А тогда он притих между стеллажами в тесной кладовке. Почему-то стало так обидно, что захотелось плакать. Даже не из-за того, что никогда не нравившийся ему Михаил Тимофеевич пытался обвинить его в чем-то непонятном, что он непременно сотворит, когда вырастет, а оттого, что его, оказывается, не «любят», а просто «балуют» и «потакают». Слова были малознакомые, но неприятные.

– Игорь, ты в Африку, что ли, отправился? – Бабушка в недавнем прошлом была завучем младших классов, поэтому голосом обладала громким и звучным. Он вжался в угол кладовки, под вешалку, где висели старые плащи и зонты. Выйти сейчас означало признать, что он бессовестно подслушивал. Проскользнуть мимо кухни незамеченным было практически невозможно. Но сколько же можно вот так сидеть, притаившись? Вдруг бабушка устанет дожидаться и отправится его искать? Тогда получится совсем некрасиво.

От отчаяния и растерянности Игорь тихонько заплакал. Он вцепился в рукав мамино дождевика и больно закусил губу. Впервые в жизни он понял, что такое «стыдно». Сейчас бабушка придет за ним и скажет, что его только за смертью посылать (это ее любимая поговорка). Отец, услышав, выглянет из кухни, а за его плечом появится противный толстый дядя Миша, который произнесет довольно: «Ну вот, я же предупреждал! Сейчас он уже подслушивает. А что будет завтра! Подумайте, как избаловали парня!»

– Не найдешь «Работницу», принеси мне «Крестьянку»! – Бабушка не унималась. И наконец, выдала место его нахождения. На кухне наступила тишина. Отец и его собеседник замолчали. Слышно было только, как тархтел холодильник. Игорь зажмурился. Вроде так легче. словно ты невидимый. И в этой страшной тишине прозвучал голос отца – неожиданно громкий, словно он нарочно стремился, чтобы сын его услышал:

– Нет, Мишаня, ты не прав. Балуют, чтоб откупиться, когда не могут дать достаточно любви. На, мол, тебе, сынок, машинку, мороженое и двугривенный на карусели. На тебе, дочка, платье и дорогую куклу. Только внимания от меня не требуй. И времени. А мы Игоря любим. И бережем. И когда он станет взрослым, ему тоже захочется так же заботиться и о нас, и о своих детях. Тот, кого искренне любят, никогда не вырастет ни плохим, ни несчастным. Запомни.

Игорю показалось, что это «запомни» относится именно к нему. Он нащупал в темноте стопку журналов и бросился к бабушке. Страх обнаружить себя почему-то исчез.

Слова, сказанные тогда отцом, он действительно запомнил. И помнил до сих пор. Только ни родителей, ни бабушки уже давно не было на свете.

Радио тянуло:

Потому что нельзя, потому что нельзя,

Потому что нельзя быть на свете красивой такой...

Второе, за что он был благодарен осени, – знакомство с Алей. Целых десять лет назад. А такое чувство, словно все произошло вчера.

Были еще живы родители. Даже бабушка. Потом они ушли быстро, один за другим, словно успокоились, когда он женился. И когда убедились, что в семье у него все благополучно, как и было всегда у них. Как и должно быть у всех.

«Мы отдали тебя в хорошие руки», – шутила мама. И не ошиблась. Альку совсем не изменили ни прошедшие годы, ни рождение дочери. Она осталась точно такой же, какой была до их свадьбы. И даже до знакомства с ним. Игорь помнил ее рассказы о детстве и юности и находил в ее воспоминаниях те же штрихи, которыми отчасти была отмечена их нынешняя жизнь...

Тот сентябрь выдался невероятно жарким. Чуть ли не до октября все ходили в майках и сарафанах и с недоумением поглядывали то на градусник, то на календарь.

«Это не бабье лето – это прямо-таки бабья осень», – улыбалась бабуля. Она выглядела тогда особо оживленной, потому что неумолимо приближалось событие, весьма значимое для ее жизни.

Озерск – городок небольшой. Двадцатипятилетие средней школы, которую когда-то окончил Игорь и где долго преподавала его бабушка, решили отпраздновать с размахом. Приглашены были все выпускники и, естественно, весь прошлый и нынешний педагогический состав.

Бабушка, разумеется, не могла оставить без внимания столь знаменательное событие, хотя уже десятый год находилась на заслуженном отдыхе. За ее приготовлениями к празднеству, начавшимися более чем за неделю, наблюдали всей семьей. Она купила на сэкономленные из пенсии деньги белую блузку с кружевами на воротнике и манжетах, покрасила волосы в диковато-синий цвет, который почему-то носил название «спелый баклажан», и даже сделала химическую завивку, хотя раньше никогда себе такого не позволяла и всегда ворчала за это на свою взрослую дочь.

Игорю на юбилей идти не хотелось. Он совсем не стремился увидеть ни бывших своих учителей, ни одноклассников. Самые близкие когда-то друзья-приятели давно уехали из Озерска в поисках лучшей доли. Кто-то в этом преуспел, а некоторые, наоборот, не выдержав жизненных испытаний, скатились в пропасть. Он знал, что почти у всех, кто придет на праздник, давно уже есть семьи, дети. Казалось, совсем немного времени прошло после окончания школы, но

тоненькие загадочные девочки успели превратиться в толстых недовольных жизнью женщин (светлые до белизны волосы с отросшими черными корнями, гардероб «прощай, молодость», ранние морщины и горькая тоска во взоре), по своему несчастных, бесконечно пытающихся похудеть, но почему-то не стремящихся стать ни жизнерадостнее, ни добрее.

Веселые энергичные пацаны превратились кто в пьющих подкаблучников, а кто в грубоватых циников. Жены будут жаловаться на своих мужей, мужа ругать опостылевших супружниц... И выслушивать все это – удовольствие ниже среднего. Тем более когда дело происходит в небольшом городке и ты и так знаешь все подробности биографии каждого.

При этом можно было не сомневаться, что вопросы: «А почему не женился?», «А когда собираешься?» – будут звучать с занудным постоянством. Как и пожелания побыстрее встретить спутницу жизни и нарожать кучу детей. И шуточные угрозы, мол, смотри, долго будешь выбирать – холостяком помрешь, стакан воды будет подать некому. И это от тех, кто сам, не задумываясь, хоть сейчас бегом побежал бы от уютного домашнего очага куда глаза глядят, бряцая по дороге супружескими цепями, превращенными в кандалы за годы совместной жизни.

Игорь и сам не знал, почему так получилось, что к двадцати восьми годам он все еще не имел в паспорте штамп: «Зарегистрирован брак». Он не был привередлив, просто, в отличие от большинства людей, слишком хорошо знал, что же такое настоящая семья. Хотелось любви, как у его родителей. На всю жизнь. Хотелось понимания и уважения. Тепла и заботы. И не только в медовый месяц, как это обычно бывает.

В общем, в день юбилея Игорь с большей охотой остался бы дома. Но лишиться бабушку удовольствия войти под своды родной школы под руку со взрослым внуком он не мог. Слишком трогательными были ее приготовления. Слишком уж большие ожидания она возлагала на эту встречу.

И он скрепя сердце сделал все, чтобы чаяния бабушки оправдались. Разве мог он тогда заподозрить, что именно этим путем судьба уверенно и неумолимо ведет его к его собственному счастью по имени Аля?

Она, само собой, также не могла этого предположить. Хотя и говорила впоследствии, что несколько месяцев до этой встречи жила словно в предвкушении чего-то прекрасного и необыкновенного. Но Игорь смеялся и относил это скорее на счет богатого женского воображения. Вообще он любил, когда она рассказывала про свою жизнь, тем более что она делала это так мило. Плохого старалась коснуться лишь вскользь, будто неприятности не имели никакого отношения к ней и совсем ее не затронули, о хорошем, наоборот, говорила подробно, вспоминала множество ярких деталей и забавных мелочей.

Аля тогда работала в школе первый год, точнее, второй месяц. Преподавала русский язык и литературу и делала это, как большинство молодых педагогов, с энтузиазмом и удовольствием. В ее личном деле в графе «ФИО» значилось: «Алевтина Викторовна Говорова». Но ей самой ее полное имя, да еще в сочетании с отчеством, казалось слишком вычурным и чужим, словно взятым напрокат у какой-то другой женщины – взрослой, высокой, строгой и властной. Она привыкла быть Алей. И дома, и в своей школе, и в институте. Даже на практике, придя на первый в жизни урок, она так растерялась, что представилась сокращенным именем, вызвав недоумение у вверенных ей учеников. Впрочем, это недоумение быстро переросло в симпатию, а затем и в любовь. Семиклассники обожали свою практикантку, но при этом вовсе не «сели ей на шею» и не «позволяли себе с ней фамильярничать», как страшила Алю после того незадачливого знакомства кураторша практики. Говорова стала единственной студенткой, чьи подопечные на уроках вели себя спокойно и выполняли все, что она им поручала.

После института обращение по имени-отчеству стало казаться вполне естественным. Но к холодному «Алевтина» она так и не привыкла.

Компромисс нашелся сам собой. Первого сентября, знакомясь с ребятами, она неожиданно для себя сказала: «А зовут меня Аля Викторовна». И никто не удивился. Все сразу стали звать ее так – и дети, и учителя; первые – с уважением, а вторые – с симпатией.

«У нашей Аленьки сердечко большое, а ручки маленькие», – беззлобно поддразнивал ее седой физик Павел Петрович, единственный мужчина в педагогическом коллективе, известный ценитель прекрасного пола. «Есть женщины ослепительные, есть обаятельные, а есть просто милые, как наша Алечка. Таких милых ни на кого не меняют. Блекнут рядом с милой женщиной любые красавицы. Я-то знаю», – говорил он так, чтоб она слышала, и улыбался.

Аля вспыхивала, смущалась, но ей было приятно. Она вообще была невероятно застенчива, даже диковата, возможно, оттого, что росла без родителей. Отца своего она никогда не видела, а мать умерла, когда девочка была совсем еще маленькой. Ее взяла к себе тетка, сестра матери, жившая в деревне, в часе езды от Озерска, одинокая, не склонная к сантиментам женщина. Там, в Сосновке, Аля окончила среднюю школу, потом перебралась в общежитие и жила в нем пять лет, пока училась в педагогическом. После распределения вопрос о крыше над головой стал особенно остро – каждый день мотаться домой, к тетке, было утомительно и накладно. Пришлось снимать комнату в городе, что при скромной зарплате начинающего учителя тоже было непросто. Поэтому уже через несколько недель после их знакомства Игорь настойчиво принялся уговаривать Алю переехать к ним. Девушка долго отказывалась, она очень стеснялась, не решаясь войти в его семью, и отважилась только незадолго до свадьбы. Но ее опасения оказались напрасными. Стоило худенькой юной учительнице со старой спортивной сумкой через плечо и еще более древним чемоданом в руках появиться на пороге маленькой квартиры в хрущобе на улице Ермолаева, как на нее тут же обрушилось обожание всего дружного семейства Быковых. И в этом не было ничего удивительного. Не любить Алю было невозможно.

– Папа, а почему нельзя быть красивой? – Подняв голову, Настена пытливо и удивленно смотрела на него ярко-голубыми, точь-в-точь как у матери, глазами.

– Ты о чем, Ася? – Игорь отвлекся от воспоминаний.

– Дядя поет, что нельзя быть красивой такой. А мама ведь красивая-красивая. Разве это плохо? – Столько недоумения, даже обиды было написано на ее маленьком личике, что Игорь невольно улыбнулся. Попробуй объясни ребенку все хитросплетения взрослых отношений!

– Нет, милая, не плохо. У нас с тобой не только мама красивая, но и ты красавица. – Ответ отца девочку вполне устроил. Настена кивнула и, крепче уцепившись за его руку, принялась повторять считалку, разученную вчера на уроке английского. Игорь опять углубился в воспоминания.

Он увидел ее сразу, как только вошел в актовый зал, придерживая под локоть нарядную бабушку. Совсем молоденькая девушка, стоя к нему спиной,

прикрепляла к шторам гирлянду из воздушных шариков. В любовь с первого взгляда он тогда не верил. Еще меньше верилось в то, что можно влюбиться в женщину вот так – со спины. Но он влюбился. Сразу и наповал. В нежный затылок, на котором каким-то неведомым образом держался тугий узел темно-русых волос. В выбившиеся из прически невесомые летучие прядки. В худенькую шейку с выступающими косточками позвонков, на которую эти прядки спадали. В обтянутые голубым пиджачком хрупкие плечи и высоко поднятые тонкие руки. В стройную талию, такую узкую, что ее, казалось, можно было обхватить двумя ладонями. В длинные ножки, чью точеную линию не могла скрыть даже строгая темно-синяя юбка до середины икры.

Потом он увидел ее в профиль и влюбился еще больше. А когда девушка, наконец, закрепила гирлянду, повернулась окончательно и Игорь встретился со взглядом огромных ярко-голубых глаз, он понял – это навсегда.

Бабушку галантно похитил старенький физик.

Подходили бывшие одноклассники. Он и так сталкивался с ними часто – в маленьком городе все на виду. Но здесь эти встречи казались особенными. Все хлопали друг друга по плечу, интересовались: «Как жизнь?», даже если разговаривали только позавчера, и это совсем не выглядело смешным.

Игорь улыбался, вспоминал, шутил вместе со всеми, но старался не выпускать из поля зрения молоденькую учительницу. Она стояла чуть в стороне, в компании других учителей. Судя по всему, ей было очень весело. Смеялась она тоже по-особенному – откидывая назад маленькую красивую голову.

Как-то сразу Игорь понял, что это она. И еще понял, что это навсегда. Он не сомневался, что пробудет рядом с этой девушкой всю жизнь, до самой смерти, и ни на мгновение не пожалеет о своем выборе. Ее невозможно было представить себе ворчащей, рассерженной или озлобленной. Он даже не мог вообразить ее постаревшей, она казалась воплощением молодости и очарования. Не на день, не на год, а навечно, словно античная богиня, над которой не властны ни время, ни невзгоды.

Похоже, он смотрел слишком пристально, потому что она поймала его взгляд. Игорь даже испугался, что сейчас на ее лице появится выражение обиды или надменной скуки, как обычно бывает у молодых девушек, к которым проявляют

повышенное внимание, но она вдруг улыбнулась ему приветливо и радостно, словно старому знакомому. Не подойти к ней после этого было просто невозможно. И он подошел. Совершенно без страха или смущения, и пригласил ее танцевать. Девушка танцевала легко и естественно, Игорь даже не сразу заметил, что для его удобства она чуть привстала на цыпочки. А когда понял, ему вдруг стало очень приятно. Весь танец он молчал. То ли от смущения, то ли от переполнявших его чувств Игорь никак не мог придумать, что бы такое сказать. Все приходящие в голову варианты казались глупыми и банальными. И тогда, точно подслушав его мысли, девушка заговорила сама:

- Меня зовут Аля. А вас?

- А меня Игорь. «Аля» - это полностью Алена? - Он обрадовался, что нашлась наконец тема для разговора. Она покачала головой.

- Алла? - Угадывать было даже любопытно. Хотя он уже знал, что каким бы ни оказалось ее полное имя, он будет звать ее только Алей.

- Нет.

- Тогда, значит, Александра?

- Опять мимо! - Она рассмеялась, и смех ее был похож на журчание лесного ручейка. - Даю вам последний шанс.

- Алеся? - Игорь старался изо всех сил.

- Нет, нет и нет. Не угадали. У меня ужасное имя - Алевтина. Оно такое... такое... брр! Некрасивое и старое.

- Старое?

- Ну... оно подходит женщине после шестидесяти. Чем-то похоже на слово «нафталин», вам не кажется? Надеюсь, я никогда не буду настолько старой, чтоб носить это имя. Зовите меня Алей, ладно?

Из динамиков неслось:

Эти желтые листья в ладони свои собираешь,

Отсверкали они и лежат на холодном лугу.

И ты сердцем моим, словно листьями теми, играешь...

Дворник жег собранные в кучу подгнившие листья. В Озерске по-хозяйски утвердилась осень, которую он любил еще и за то, что в середине ноября родилась Настена. Его бесценная, золотая девочка. Дочь Игорь обожал.

Увидев Асю первый раз, он испугался. Он представлял себе все совсем не так. Думал, что, когда будет получать из рук медсестры долгожданный сверток, испытает невероятную радость и отцовскую гордость, но ничего подобного не произошло. В душе царил недоумение – неужели человек может быть настолько маленьким?

Было уже довольно холодно, и малышку завернули в три одеяла. А когда дома, положив на стол, откинули, как капустные листья, все конвертики и пеленки, девочка показалась ему такой крохотной и беззащитной, что он тут же почувствовал себя слишком большим и сильным и от этого неуклюжим и неуместным. Он не знал, как подойти к ней, как взять на руки. Было страшно сделать что-то не так и нанести ей хоть малейший вред.

Но уже спустя две недели он сам с улыбкой вспоминал свое замешательство.

Алька – как-никак преподаватель русского языка и литературы! – предложила назвать девочку Асей, в честь тургеневской героини. Но он был не слишком доволен таким выбором.

– Мне не нравится сочетание «Ася Игоревна». К тому же ты – Аля, а она – Ася... Вас просто будут путать!

И дочку назвали Анастасией. Сокращенно можно звать Асей. А можно Настей, Настасьей, Настенькой, Настькой и Настеной. Последнее имя ему особенно понравилось. Впрочем, и к Асе он тоже быстро привык.

Аля и Ася. Все его богатство. Вся его жизнь...

Малышка с первых дней начала узнавать его. А может, ему просто так казалось. Когда она плакала, он клал ее себе на грудь, чтобы ее крохотное ушко улавливало биение его сердца.

– Так делали со мной, – объяснял он жене. – Отец рассказывал, что дети, когда только рождаются, еще не отвыкли засыпать под стук сердца. Они же постоянно слышали его в утробе матери. И первые месяцы жизни им очень не хватает этого стука.

– Значит, ты имитируешь мой живот, – смеялась она. – Эх, Игорь, хорошо еще, что я кормящая мать, а то ты вполне мог бы и без меня обойтись.

Он накрывал дочку сверху пеленкой и замирал, вслушиваясь в такое трогательное, такое родное сопение. Иногда свободной рукой он обнимал Алю и в эти минуты чувствовал себя настолько счастливым, насколько обычному смертному чувствовать себя просто не полагается.

Игорь сообразил, что они пришли, когда Настена остановилась у старого здания школы. Той, куда когда-то ходил он сам, где сорок с лишком лет преподавала бабушка и где сейчас работала Аля.

– Ты меня сегодня заберешь или мама?

– Наверное, мама. Только у нее семь уроков. Тебе придется ждать ее часа три. Справишься, Ася?

Она неуверенно кивнула. Настена была совершенно домашним ребенком. И они с Алей каждый раз чувствовали себя виноватыми за то, что их дочь вместо того, чтобы играть дома в куклы, вынуждена торчать на продленке.

– Пока, милая. Беги, а то опоздаешь. – Игорь поцеловал дочь. Поправил рюкзак, отдал пакет со сменной обувью. Долго смотрел ей вслед. В ярко-желтой курточке, длинной, точь-в-точь как у матери, юбке, с двумя хвостиками, перехваченными разноцветными резиночками и с розовым школьным рюкзачком за плечами, она смешно взбиралась на высокие каменные ступеньки. У двери обернулась, помахала ему рукой и вошла в здание школы.

Сегодня он работал во вторую смену. Оставалось больше двух часов. Игорь постоял на школьном дворе. Посмотрел на хмурое осеннее небо, сунул руки в карманы куртки и не спеша направился бродить по Озерску.

Свою работу Игорь обожал. Как и своего начальника.

Арону Натановичу было под восемьдесят. Каждый год он грозился уйти на заслуженный отдых, но ему никто не верил, потому что все прекрасно знали – на пенсии ему делать нечего, тогда как все дело без него встанет.

Вопреки распространенному представлению о людях его национальности, Арон начинал с обычного автослесаря, сам потихоньку сделал карьеру и еще до перестройки занял место начальника СТО. Позже при станции открыли маленький филиал, закупили машины, покрасили их в желтый цвет, разрисовали шашечками – и в городе появился новый таксопарк. Станция обслуживала и свои, и городские автомобили и одновременно служила гаражом.

Игорь был таксистом уже восемнадцатый год и даже не представлял, кем бы еще он мог работать. Все получилось как-то само собой. В старших классах у него были какие-то смутные планы относительно технологического института, но сразу после выпускного вечера его вызвали в военкомат и предложили окончить перед армией автошколу. Посоветовавшись с родными, Игорь согласился и с тех пор ни разу не пожалел о своем решении. Сначала выучился водить грузовые автомобили, а после армии получил еще и права категории «В». Именно во время службы, крутя баранку «ЗИЛа», на кузове которого была табличка «Люди», он понял, что в этом-то и заключается его призвание – возить пассажиров. Поработал несколько лет в городском парке, а потом перешел к Арону со своим автомобилем – старенькими «Жигулями»-«шестеркой», на котором ездил еще Быков-старший. Машину перекрасили ярко-желтой краской, и она словно помолодела, даже сам отец поначалу ее не узнал.

Несмотря на то что Озерск относительно небольшой город, работы всегда хватало. Для местных жителей пользоваться услугами их фирмы было обычным делом. Чаще всего такси заказывали по телефону – Игорь всегда удивлялся, когда слышал, как в других городах люди «ловят» машину, стоя у проезжей части.

Слово «голосовать» в применении к данной ситуации он впервые услышал только в армии и не сразу понял, о чем речь.

Служил он в Подмосковье, в Наро-Фоминском районе и заслуженный краткосрочный отпуск решил провести в столице вместе с приятелем Сашкой Рябовым. Домой, конечно, хотелось очень и очень, но дорога туда и обратно на поезде как раз съела бы все отпущенные трое суток, а на самолет денег не было. Поэтому он с охотой принял Сашкино предложение «смотаться в Первопрестольную». Рядовой Рябов был, как он сам выражался, «потомственным москвичом в третьем поколении». Ни больше ни меньше.

Сразу после подъема они покинули часть и пошли по направлению к шоссе, где на асфальтовом пустыре сиротливо белела автобусная остановка. В десятке шагов от нее притулилась стеклянная конструкция, оказавшаяся продуктовым магазином – единственным во всей округе.

– Я в сельпо заскочу, а ты пока голосуй, – скороговоркой произнес Сашка и скрылся.

Озадаченный Игорь остался стоять на месте. Интересно, что его товарищ имел в виду? Может, это шутка такая?

Сашка появился минут через десять, нагруженный пряниками и пивом, и удивленно на него уставился.

– Ты чего стоишь столбом? Мы же не будем до скончания века автобуса дожидаться! Надо машину ловить.

Это было уже более понятно, но только в теории. Игорь чувствовал себя ужасно глупо, глядя на приятеля, который вышел к обочине, вытянул руку и еще зачем-то оттопырил кверху большой палец. Он предпочел делать вид, что вовсе не с Сашкой, а просто стоит рядом в ожидании автобуса.

– Ты чего уставился? Никогда, что ли, машину не ловил? – обернулся Санька.

– Никогда, – честно признался Игорь.

- А как же у вас, в этом твоём Озерске? Вы только пешком ходите, что ли?

«У нас нет таких дикарей, которые посреди дороги будут пальцы топорщить», - хотел сказать Игорь, но не стал, только отрицательно замотал головой.

- У нас в Озерске для такси есть специальные стоянки. А чаще всего машину заказывают по телефону, - объяснил он.

- Да, в Москве тоже так делают, - кивнул приятель. - Но это такой геморрой...

Игорь так и не понял, почему позвонить по телефону Сашке кажется сложнее, чем стоять на автостраде, надеясь на то, что тебя подберет проезжающая машина.

- А если вам нужно ехать куда-то к определенному времени? Ну там, к поезду, например, или в аэропорт?

- Ну и что? - не понял вопроса Рябов.

- Так ведь опоздать можно. Вдруг никто не остановится?

Теперь настала очередь Сашки озадачиться.

- Как это не остановятся? Минут десять-пятнадцать постоишь, обязательно кто-нибудь да затормозит. Надо просто выйти с запасом.

Дальше Игорь решил не уточнять. Время шло. Назначенные Сашкой десять-пятнадцать минут давно миновали, но ни одна из проезжавших мимо редких машин и не думала останавливаться.

- Знаешь что, Игоряха, - Рябов обернулся к нему и увидел, что он мается без дела, - встань-ка с противоположной стороны и тоже голосуй. Так мы быстрее поймем.

- Но они едут в другую сторону!

- Ничего, развернутся.

- С какой стати?

- Чтоб нас подвезти.

- Так им не по пути.

- Я же знаю, что говорю. Не спорь.

Он поплелся на другую сторону дороги, встал подальше от проезжей части (авось не увидят) и неуверенно вытянул руку. Большой палец оттопыривать не стал – и без того он чувствовал себя, как пугало посреди огорода.

К его удивлению, не прошло и двух минут, как рядом затормозила грязная белая «копейка».

- Куда едем, солдатик? – весело поинтересовался краснолицый водитель.

- В Москву, – неуверенно проговорил он, чувствуя себя полным идиотом. Сейчас дядька покрутит пальцем у виска и объяснит ему, что столица находится аккурат в противоположном направлении.

- А платить-то будем? – еще веселее спросил водитель.

- Будем, – отвечал Игорь. Хоть за это ему не было стыдно. Деньги у них с Сашкой были – незадолго до отпуска оба получили посылки из дома.

- Ну тогда садись, – неожиданно кивнул краснолицый.

- Я не один, – забормотал Игорь, – нас двое, у меня там товарищ.

- И товарища прихватим, – охотно согласился дядька.

- Ну вот, будущий таксист, теперь будешь знать, что, если стоит на дороге хороший человек с вытянутой рукой – это твой клиент, – важно поучал Сашка,

размещая на заднем сиденье «копейки» свою необъятную сумку. Баул был настолько огромным, словно Рябов уже демобилизовался и ехал в Москву насовсем, а не в отпуск на каких-то три дня.

«Да я, если такое увижу, буду объезжать за три квартала», – решил тогда Игорь.

За эти три дня, проведенные в семействе Рябовых, Игорь успел понять, что москвичи – люди хорошие, но немного странные. Все они жили какой-то суетливой, шептливой жизнью, словно каждый день что-то праздновали. Они называли парадное подъездом, булки именовали батонами и долго не могли его понять, когда он сообщил, что хочет купить родителям красивые обои, чтобы сделать ремонт в зале. Слово «зал» было им непривычно, по их мнению, так назывались помещения во дворцах, а не большие комнаты в квартире. Все три дня Сашкина мама кормила их как на убой, причитая, какие они худенькие и болезненные. Особенно, конечно, ее сыночек, который уже тогда весил под центнер и вид имел исключительно бодрый.

За все семьдесят два часа они так и не выбрались посмотреть город, хотя Игорь до последнего надеялся на ознакомительную прогулку. Но рядовому Рябову его настрой был непонятен.

– Да ладно тебе, Игоряха. Отъедайся, отсыпайся. Тебе потом еще год служить. Нет ничего особенного в этой Москве. Ну башня со звездой, ну театр с лошадьми. Я и сам, кстати, в этом театре никогда не был, и ничего, жив еще.

Игорь не возражал, но дал себе слово, что после дембеля обязательно еще раз навестит столицу, но уже без оказавшегося вдруг таким скучным Рябова.

Игорь вдохнул свежий осенний воздух. Наверное, он никогда не смог бы жить где-то, кроме Озерска... Тут его родные, работа, тут доставшаяся от родителей маленькая уютная квартира со старой мебелью. Тут ребята таксисты, такие же, как и он, работяги. Тут его начальник, самый мудрый и все понимающий.

Арона Натановича между собой звали Старик. Он был для них другом и отцом, лучшим в мире собеседником и советчиком. Игорь не знал другого человека с таким объемом знаний, с такой фантазией, с таким запасом мудрых мыслей, с таким чувством юмора.

«Счастье – это когда утром хочется идти на работу, а вечером – возвращаться домой, к семье», – говорил Старик, прилаживая над входом СТО матерчатый плакат с надписью: «На работу, как на праздник». С семьей дело у всех обстояло по-разному, но на работу действительно ходили, «как на праздник».

Неверно было бы сказать, что заслуга Арона Натановича перед Озерском заключалась только в создании таксопарка. Все было намного сложнее.

Станцию техобслуживания, где работал Игорь, можно было назвать большим домом, который Старик бережно строил несколько лет, тщательно подбирая кирпичики. Или островом в беспокойном море постперестроечного городка. Или садом, который Арон Натанович возделывал потом и кровью. И, наконец, большой дружной семьей, где каждый был для другого намного больше, чем просто коллегой.

Старик, как никто другой, умел увлечь общим делом, и при этом ему совершенно чужда была философия отдельных винтиков в одной большой системе. Для него каждый из них, водителей, был уникален и незаменим.

Понял это Игорь не сразу. В молодости все воспринималось как должное, казалось, так оно везде, иначе не бывает. И лишь потом, наслушавшись разговоров в курилке, он понял, как ему повезло, что он работает у Арона.

Курилкой называли просторную продолговатую комнату при гаражах. Старик специально оборудовал ее для отдыха, поставил туда три дивана, низкий журнальный столик, черно-белый телевизор и маленький холодильник. Здесь водители коротали время в ожидании вызова, обедали, пили чай, решали кроссворды и обсуждали все, что можно, начиная с международной политики и заканчивая ссорой с подвыпившими соседями.

Раньше Игорь тоже охотно участвовал в этих разговорах, но, когда родилась Настена, все остальное стало казаться ему несущественным. Предстоящий ремонт машины, стремительно растущие цены и столь же стремительно обесценивающаяся зарплата – все это имело значение лишь постольку, поскольку касалось дочки. Он мог часами рассказывать о том, что Асенька сделала сегодня, а что позавчера, как она болела ангиной, как нарисовала его портрет и что забавного они с женой услышали от нее в последнее время. Вскоре в речь его коллег как-то сами собой вошли исковерканные детским

языком словечки и смешные выражения из репертуара его дочурки. Особенно любили таксисты вспоминать замечание, сделанное Настей во время загородной прогулки.

Как-то ранней весной семья Быковых отправилась навестить Алину тетку в Сосновке. Утро было довольно прохладным. Игорь решил сделать небольшой перерыв и притормозил на обочине. Аля вынула из сумки термос с горячим чаем, напоила дочку и предложила попить Игорю. Тот, обернувшись, взял у нее из рук железный стаканчик и тут увидел совершенно круглые от удивления и испуга глаза Настены.

– Ты что, папа, этого же нельзя! По телевизору говорили, что пить за рулем нельзя! – на полном серьезе выдала его законопослушная пятилетняя дочь. – Тебя же заберут в милицию!

Интересно, почему с ним это происходит? Почему уже несколько месяцев он словно просматривает свою жизнь, заснятую на киноплёнку? Почти каждый день приходят на ум эпизоды из прошлого. Это сейчас-то, когда он абсолютно счастлив!

Когда он поделился своими размышлениями с Ароном, тот предположил, что это к переменам в жизни.

– Никто не знает, что ждет его завтра, – сказал Старик. – Картину у меня дома помнишь?

Игорь понял, о чем шла речь. Эта репродукция с полотна какого-то художника, не то француза, не то бельгийца, произвела на него очень сильное впечатление, когда он увидел ее впервые. На ней был изображен старинный замок – не сказочный, изящный и вычурный, а прочный, массивный, как строили в совсем уж древние времена, когда девиз «Мой дом – моя крепость» был не забавной поговоркой, а определением жизненной необходимости. Впечатление надежности замка усиливалось еще и тем, что стены и башни были высечены из скалы, на которой этот замок стоял, такой же крепкой и нерушимой на вид, как и само строение. Но вся оригинальность картины заключалась в том, что эта самая скала висела без всякой опоры в воздухе, на фоне голубого, полного облаков, неба, прямо над волнующимся морем.

– Здорово! – сказал тогда Игорь. – Как называется эта картина?

Старик пожал плечами:

– Не знаю, тут написано по-французски, а я франсе не парле... Я зову ее «Мир над пропастью». На мой взгляд, тут выражена вся сущность нашей жизни. Как бы прочно и уверенно ты себя ни ощущал, всегда надо помнить о том, что ты, в конечном счете, висишь в воздухе над пропастью...

Солнце ненадолго появилось из-за осенних туч, затем снова пошел мелкий нудный дождь. Но Игорь не стал прибавлять шаг. На узеньких улочках было совсем пусто. Он зашел в небольшое кафе с милым, каким-то советским еще названием «Ветерок» и заказал себе черный кофе. Сейчас он мог себе это позволить, как, впрочем, и многое другое. А был в их с Алей жизни период, как назло совпавший с рождением Настены, когда не то что в кафе, в магазиншний раз не сходишь. Собственно, ходить туда было и незачем, разве что полюбоваться на пустые полки... Из детского питания в продаже была только одна-единственная совершенно несъедобная молочная смесь, от которой дочка тут же покрылась диатезной сыпью. А молоко у Али исчезало буквально на глазах. Молодая мама ведь тоже не могла есть вдоволь. Игорь все время боялся, что вот-вот в его доме зазвучит: «Что ты за мужик, даже заработать не можешь?», «Зачем заводить семью, если не в состоянии ее прокормить?» и тому подобное, что чуть ли не каждый день с горечью повторяли его коллеги. Но Аля держалась на удивление стойко. Штопала его носки и свои колготки, быстро научилась шить дочке одежду из своих старых юбок и платьев, сама изобретала какие-то оригинальные рецепты из тех незатейливых продуктов, которые удавалось купить. Пытаясь побольше заработать сверх обязательного плана, Игорь колесил по городу почти круглую неделю, да еще и по ночам, когда тарифы были чуть выше. Аля, видя, как зашивается муж, решила заняться репетиторством. Вечера и выходные она, оставив дочку на старенькую соседку, проводила в чужих квартирах с чужими детьми, готовя их к экзаменационным сочинениям и стараясь вдолбить им в голову то, что они не смогли усвоить за партой. Эти занятия изматывали ее и огорчали Игоря, мечтавшего чаще бывать с обеими своими «любимыми девочками», как он звал жену и дочь, но хоть частично решали их проблемы. Алин заработок – иногда до пятидесяти долларов в месяц – был ощутимым подспорьем для молодой семьи, но все равно денег катастрофически не хватало. Поломка старенького холодильника «Саратов», который, как оказалось, невозможно починить, стала для Быковых настоящим

бедствием.

Старик первый заметил, что у Игоря что-то неладно. Он вызвал его к себе в кабинет и сказал:

– Мне нравится, как ты работаешь, Игорь. Ты парень толковый, народ тебя уважает... Думаю, ты вполне справишься с должностью начальника смены. Конечно, это ответственность... Но, с другой стороны, зарплата повыше, а главное – нормированный рабочий день. Все-таки побольше сможешь бывать со своей дочкой.

Он дал ему неделю на размышление, но Игорь не успел дойти до курилки, как вернулся и сказал, что согласен.

Игорь глянул на часы – пора. Подозвал официантку, расплатился за кофе, вышел на улицу и бодро зашагал в сторону автопарка. Пожалуй, на сегодня хватит воспоминаний...

Глава 2

Для чего люди вырастают?

– Что желаете на завтрак? – Аля привстала на локте и смотрела на него, свеженькая и веселая. Это было, наверное, последнее теплое субботнее утро в этом году. Яркое солнце нахально пробивалось сквозь толстые шторы, обманчиво обещая вечное лето.

– А что вы можете предложить? – Игорь подхватил игривый тон жены. Она ненадолго задумалась.

– Есть гречневая каша, – бретелька ночной рубашки съехала с ее плеча, соблазнительно обнажая остренькую ключицу, которую Игорь всегда любил целовать. – С маслом.

– Та-а-ак, – он загнул один палец.

– Еще есть гречневая каша с молоком. Это два. И гречневая каша с сосисками. Это три.

– Эй, подожди, тебе не кажется, что ты жульничаешь?

– Ничуть. Я предложила тебе на выбор целых три блюда. Меню, как в хорошем ресторане. Все приготовлено лично шеф-поваром Алей Викторвной Говоровой-Быковой.

– Ну раз так, я согласен есть гречку вечно. До скончания моих дней! А десерт будет? – поинтересовался он, обнимая жену за талию.

Она поняла намек, игриво провела длинными волосами по его голой груди и осторожно высвободилась.

– Будет, только вечером. Давай-ка подниматься, десятый час уже...

Игорь обожал, когда его «плавающие» выходные попадали на субботу или воскресенье. Как же хорошо, когда они все вместе дома целый день! Хоть иногда можно пообщаться нормально, без спешки.

Настена еще сладко посапывала в своей кроватке. Игорь и Аля занялись приготовлением завтрака – это тоже было для них чем-то вроде привычного ритуала. Он резал пузатые помидоры для салата, она аккуратно снимала с сосисок прозрачную шкурку.

– Ну расскажи мне про своих оболтусов, – попросил он, чтобы сделать жене приятное. Игорь знал, что Альку хлебом не корми – дай поведать о своих подопечных. А в этом году, когда ее класс стал выпускным, она просто не могла говорить ни о чем другом.

– Ты же знаешь, оболтус у меня всего один – Митька Ложнов, – рассмеялась Аля и бросила сосиски в бурлящую кастрюлю. – А вот девчонки очень даже положительные. Одна, Аллочка Тетеркина, так вообще собирается ехать поступать в МГУ, на экономический. Представляешь? И, я думаю, поступит. Она девочка организованная, целеустремленная, и Ирина Валентиновна, математичка, ее хвалит...

– Не понимаю я, Алька, чего там хорошего, в этой Москве? – отвечал Игорь, берясь за зелень. – Что все туда так рвутся... По мне, эти мегаполисы людей просто сжирают. Те, кто живет в таких, как наш, маленьких городах, как-то более естественны, более человечны, что ли...

– А в Москве, по-твоему, все звери, да? – Аля убавила огонь под кастрюлей и сердито поглядела на мужа.

– Ну нет, конечно, – слегка смутился тот. – Наверняка и там хорошие люди есть. Просто там жизнь такая... Суматошная, суетливая. А теперь еще и борьба за выживание.

– Ты так говоришь, точно бываешь там несколько раз в год. – Аля выдвинула ящик кухонного стола и достала три вилки.

– Ты же знаешь. Я там всего-то два раза был, да и то проездом. Один раз в увольнительной, а второй, когда из армии ехал. И мне не понравилось. Полно народу, все бегут куда-то, толкаются, и никому ни до кого нет дела.

– А я вот все детство бредила Москвой, – задумчиво произнесла Аля и поставила чайник на плиту.

Он слышал это далеко не в первый раз. У его жены была давняя и безответная любовь к российской столице. Она умудрилась влюбиться в этот город, еще будучи маленькой девочкой, причем заочно, никогда там не бывая.

У маленькой Али Говоровой из родных была только тетка. В меру любящая и в меру строгая. После смерти младшей сестры Наталья взяла на себя все заботы о девочке и ни разу об этом не пожалела, по крайней мере, вслух.

Лет до трех малышка была уверена, что так живут все дети – на каждого ребенка полагается один взрослый, который о нем заботится: воспитывает, кормит, одевает. У нее, например, такой человек – тетя Таша. И только услышав несколько раз от других детей непонятное, но такое приятное уху слово «мама», она постепенно вникла в суть вопроса и поняла, что она не такая, как все. Что мамы у нее нет и не будет.

Когда Аля пошла в школу, она сообразила, что, будучи бедной несчастной сироткой, можно получать очень даже неплохие привилегии. Учителя были к ней снисходительнее, чем к другим, прощали шалости, завышали оценки, одноклассники делились принесенными из дома бутербродами и яблоками.

Но для того чтобы эта лафа продолжалась, нужно было научиться постоянно поддерживать сиротский образ. В этом Аля преуспела. Она часто рассказывала, как ей не хватает родителей, особенно мамы. Как безумно они ее любили, как баловали и как ей тяжело было их лишиться. Доверчивые одноклассники охали и ахали, угощали ее конфетами и клялись защищать от всех невзгод.

Во втором классе девочка пошла еще дальше. Она стала фантазировать про злую тетку, которая бьет ее, морит голодом и не дает игрушки, купленные когда-то родителями. Слухи о ее горемычной жизни дошли до учительницы, и ничего не подозревавшую Наталью вызвали в школу.

Вечером тетка в первый и последний раз больно выпорола Алю старой сентябрьской крапивой. К вечеру гнев Натальи поостыл, и она решила поговорить с племянницей серьезно. Та сидела на бревне за сараем и плакала навзрыд. Ей и в самом деле сейчас казалось, что тетка ее ненавидит и постоянно обижает.

Наталья присела рядом и обняла племяншку за плечи. Девочка принялась всхлипывать еще отчаяннее.

- Ну все, хорош уже реветь, хорош... На вот платок, утрись. Больно тебе? Ничего, до свадьбы заживет. А я на тебя не в обиде. Понимаю ведь, что врала ты не со зла. Тяжело тебе без папки, без мамки... Вот и хочется, чтоб чужие люди пожалели, так ведь?

- Так... - шмыгнула носом Алька.

- Ну пожалеют по первости, так что в том хорошего? - продолжала тетка, сложив на коленях огрубевшие от работы руки. - Жалостью-то не проживешь, жалеют-то только нищих, убогих да блаженных. А здоровому, сильному человеку стыдно должно быть, когда его жалеют. Вот хоть меня возьми. Думаешь, мне не тяжело одной - и работать, и по хозяйству, и тебя поднимать? А я разве ж ною?

Да что я! Посмотри кругом – разве кому-нибудь легко? Никому не легко, а никто не жалуется, не плачется. И ты не плачься, все свои горести в себе таи. А на людях, наоборот, улыбайся, будто у тебя все хорошо. Тогда тебя и любить, и уважать будут. А жалких да слабых никто не любит...

Слова тетки запали Альке в душу. Пожалуй, это был самый ценный совет в ее жизни.

Теперь на все расспросы одноклассников она, гордо подняв голову, отвечала, что у нее все в порядке. Аля научилась мужественно преодолевать боль, скрывать свои переживания и обиды и вскоре заметила, что окружающие, не только сверстники, но и взрослые, стали относиться к ней совсем иначе. Жалость с оттенком снисходительности сменилась полноценным уважением к сильной, умеющей мужественно противостоять жизненным трудностям личности.

Но это был не единственный вывод, который Аля сделала из разговора с теткой. До того момента девочке как-то в голову не приходило, насколько трудно Наталье одной справляться со всеми заботами. Раньше Аля если и делала какую-нибудь работу по дому, то крайне неохотно. Теперь же она, устыдившись, активно принялась помогать тетке: убирала избу, носила воду, занималась огородом и вскоре выучилась готовить. А когда на семейном совете тетка и племянница решили завести сначала кур, а потом и корову, Аля и вовсе взяла на себя почти все домашние дела – ходить за скотиной тетка ей по малолетству не разрешала. Ну разве что корму курам насыпать.

Спустя недели две после памятной беседы за сараем Аля решила сделать тетке сюрприз – устроить генеральную уборку. Придет Наталья с работы – а в избе чистота, точно под праздник. Приволокла полведра воды и, решительно окунув в него тряпку, принялась стирать пыль сначала с серванта, где стоял черно-белый телевизор «Рекорд» – гордость Натальи, потом, взобравшись на табуретку, с книжной полки. Толстый двухтомник Чехова, серый и потрепанный, выступал из общего ряда книг и мешал движению тряпки. Аля попробовала затолкать книги поглубже – не лезут. Может, что-то попало и мешается? Девочка осторожно потянула один том на себя. За ним, у самой стены, обнаружилась книжка не книжка, журнал не журнал – нечто яркое, разноцветное, с золотой тисненой надписью: «Виды Москвы». Только взяв свою находку в руки и сняв красочную обложку, девочка поняла, что перед ней набор открыток.

Алька тотчас забыла об уборке. Сползла с табуретки и уселась прямо на полу, перебирая одну за другой и рассматривая цветные фотографии. О Москве она имела довольно смутное представление. Знала, конечно, что это столица нашей родины, где живут все артисты и дикторы, но сам город представляла себе весьма приблизительно – в основном по обрывкам телепередач да по картинке из учебника, изображавшей острую высокую башню с часами и красной звездой.

Здесь же ей открылась совсем другая Москва. Многоэтажные каменные здания, нарядные прохожие, асфальтированные улицы, полные машин (неужели такое бывает?), памятники, магазины... С замиранием сердца Аля читала часто не вполне понятные, но такие завораживающие подписи к фотографиям: «ВДНХ. Фонтан «Дружба народов», «Улица Горького. Памятник А.С. Пушкину», «Гостиница «Россия», «Станция метро «Маяковская», «Центральный универмаг», «Большой театр»... Рядом с каждой подписью стояла дата – 1965 год. Такой была Москва за три года до ее рождения. Сейчас она, наверное, еще прекраснее...

Аля опомнилась только за четверть часа до прихода Натальи. Ни о какой уборке уже не могло быть и речи – успеть бы помыть посуду после обеда да убрать ведро с водой...

Тетке она ничего о своей находке говорить не стала. Аля и сама не могла бы объяснить почему. Может, потому, что поняла – открытки не просто так оказались в этом укромном месте. Стало быть, скорее всего, спрятаны от ее глаз. А может, ей просто хотелось иметь свою и только свою маленькую тайну. Возможно, Наталья просто-напросто забыла про этот набор, и только она, Аля, знает, где он находится.

Теперь, оставшись одна, она часто доставала открытки, бережно перебирала их, рассматривала, подробно изучая детали, придумывала для каждой новое, свое, название, представляла, как гуляет по Красной площади, кормит лебедей на Чистых прудах, едет в троллейбусе по Садовому кольцу (сада на фотографии почему-то не было видно). А как, интересно, выглядят те же самые улицы зимой? Или ранней золото-багряной осенью?

С особым интересом она вглядывалась в те снимки, на которых были видны люди. Их было очень много – наверное, во всей Сосновке меньше жителей, чем гуляющих летним вечером по Парку культуры и отдыха имени Горького на одной только фотографии. Интересно, понимают ли эти люди, как им повезло, что они

живут в Москве?

Самой любимой открыткой у маленькой Али был снимок собора Василия Блаженного на Красной площади. Слово «блаженный» вызывало какие-то смутные и не слишком приятные отголоски в душе, но разноцветные купола выглядели весело и как-то совсем не по-взрослому, точно большая игрушка.

- Тетя Таша, я вырасту и поеду в Москву, - не удержавшись, заявила Аля тетке в день своего двенадцатилетия. Та даже перестала чистить картошку для традиционного праздничного салата с красивым названием «оливье». Развернулась к племяннице мощным телом, отерла лицо краем фартука.

- Еще чего! И не выдумывай даже! Нечего тебе там делать, в этой Москве сказанной!

- Почему это нечего? - возмутилась девочка. - Я там жить буду.

- Ишь, жительница нашлась! - всплеснула руками Наталья. - Как будто там без тебя народу мало! Да одних москвичей, вот недавно по радио говорили, одиннадцать миллионов. А приезжих со всего Союза небось и вовсе стокилометровая очередь!

Аля живо представила себе эту очередь: люди с узелками и в лаптях. Им в школе рассказывали, что так пришел в Москву ученый Михайло Ломоносов. Правда, не упоминали, что ему пришлось стоять в очереди. Ну это ж давно было. Понятно, что с тех пор много чего изменилось.

- А мне не надо будет стоять в очереди, - ляпнула она вдруг, - у нас там живут родственники и друзья. Просто мы с тобой, тетя Таша, про них еще не знаем.

Она сказала это и сама удивилась - какие еще друзья? Какие родственники, откуда они возьмутся? Ну а вдруг, чего не бывает? Должно же и ей, Але Говоровой, когда-нибудь повезти.

- В гробу я видала этих родственников! - неожиданно зло ответила Наталья. Аля даже испугалась. Слово «гроб» само по себе было страшным, а уж выражение лица тетки еще больше добавило ужаса. - Что ты болтаешь, Алевтина! Ты в уме?

Какие у тебя в Москве родственники? Белены объелась девка! Чтоб я больше этого не слышала!

Больше она и не услышала. Но детское желание покорить Москву не пропало. Аля просто заболела столицей. Покупала всевозможные открытки и значки, брала в библиотеке книжки, чуть ли не заучивала их наизусть и не отлипала от телевизора, когда там показывали фильмы или передачи о городе ее мечты...

- Ну и слава богу, что ты туда не уехала, - проговорил Игорь и ссыпал в миску мелко нарезанную зелень. - Иначе ты разбила бы всю мою жизнь. А жизнь Настены вообще бы не состоялась.

- Ну-у? Это спорный вопрос, - отвечала Алька, раскладывая подогретую кашу по тарелкам. - Думаю, ты бы и там меня нашел.

- Это в многомиллионном-то городе?

- Значит, надо было постараться...

В коридоре послышалось топанье босых ножек. Дверь кухни распахнулась, и на пороге появилась Настена в розовой пижаме с мишками. Она смешно потягивала носом.

- По-моему, тут без меня едят что-то вкусное!

- А ты бы еще подольше спала! - весело отвечал Игорь, усаживаясь за стол.

- Мама, мне каши не надо, только сосиску с салатом, - велела дочь, тут же устраиваясь рядом с ним.

- Смотри, Аська! - поддразнил ее Игорь. - Не будешь есть кашу - не хватит сил на поход.

- Так мы идем в поход? - просияла девочка.

- А разве ты забыла? Мы же договорились! Поход с пикником.

- Это я забыла, - включилась в разговор Аля. - И замочила полную ванну белья.

- А как же поход? И пикник? - Настена готова была расплакаться.

Игорь с нежностью посмотрел на дочь и отчетливо вспомнил, как и для него когда-то слова «поход», «пикник» были чем-то волшебным.

- Может, правда, Алька? Ну его, это белье?

- Нет уж, идите без меня! - решила жена, дожевывая сосиску. - Мне еще борщ к обеду варить и сочинение по Грибоедову у девярых классов проверять. Я вам наделаю с собой бутербродов, а вы уж повеселитесь за меня, ладно?

- Давай тут! - Он остановил машину около протоптанной в лес тропинки, вылез, открыл с ее стороны дверь, помог застегнуть желтую курточку. - Пошли, Аська-походница!

- Пап, а пойдём сегодня далеко-далеко!

«Далеко-далеко» растянулось всего-то на несколько десятков метров. Шли по дорожке, шурша опавшей листвой, любовались яркими красками осеннего леса, собирали крупные, похожие на растопыренные пальцы кленовые листья, составляли из самых красивых букет для мамы, нашли огромный, тут же рассыпавшийся в руках, трухлявый гриб и даже обнаружили на влажной земле следы зайца. Аське очень хотелось выследить по ним зверька, но у нее ничего не получилось.

- Ну и ладно! - быстро утешила она сама себя. - Вот поеду с мамой в Москву, пойду в зоопарк и всех-всех там увижу! И зайца, и крокодила, и белого медведя, и жирафа!

Подходящее для привала место выбирали долго, пока не набрали на огромный дуб у ручья. Восхищенная девочка попыталась обхватить дерево ручонками, но у нее ничего не вышло. Это удалось только Игорю, да и то не полностью - даже

его большие сильные руки не до конца сходились на толстом стволе.

- Ого, да этот дуб наверняка очень и очень старый! Ему, видимо, лет пятьдесят, да, пап?

Он улыбнулся наивности дочки, для которой число пятьдесят было чем-то запредельным. Мол, столько не живут.

- Я думаю, Ася, ему все двести, а может, и больше.

Какими удивленными глазами она смотрела на него... В детстве один день иногда представляется целой жизнью. Это уже потом, с возрастом, человеческий век в семь-восемь десятков лет покажется ничтожно, смехотворно малым...

- Значит, он скоро умрет? - Похоже, девочка всерьез огорчилась.

- Будем надеяться, что нет. Дубы живут долго. Это сильное, здоровое дерево, оно может простоять еще несколько сотен лет.

Настена попыталась вымыть руки, окунула ладошку в ручей и тут же затрясла ею в воздухе:

- Ой, какая вода холодная! Смотри, пап, у меня рука сразу покраснела!

- Что же ты хочешь - октябрь на дворе!

- Но нельзя же садиться за стол с грязными руками!

- Скажите пожалуйста! Что-то я не слышал от тебя этого дома!

- То дома, а то на пикнике...

Намек был понят. Игорь достал из рюкзака и расстелил сначала кусок целлофана, чтоб не тянуло от земли, затем старенький полосатый половичок.

– Ну давай посмотрим, чем снабдила нас мама. Надеюсь, там не гречневая каша, – он подмигнул дочке.

В пакете оказались сваренные вкрутую яйца, помидоры и много бутербродов: с сыром, с ветчиной и с любимой Настиной «Докторской» колбасой.

Игорь с нежностью смотрел на дочку. Она уплетала за обе щеки с большим аппетитом. На ее личике проступил свежий румянец, глаза блестели, и вообще она выглядела невероятно счастливой.

– Пап, а ты, когда был маленьким, делал секретики? – Настена развернула «Мишку на Севере» и тщательно разгладила фантик.

– Какие секретики?

– Ну берешь фольгу, стеклышко, можно от бутылки, камушек, цветок или еще что-нибудь красивое, выкапываешь ямку, где никто не знает, кладешь туда, делаешь окошко и присыпаешь землей, а потом приходишь и потихоньку любишься. Здорово, да?

– Да, у наших девчонок что-то такое было, припоминаю.

– Пап, а давай прямо сейчас сделаем!

– Да запросто.

«До чего же легко доставить ей удовольствие, – подумал он. – Кусок блестящей бумажки, осколок стекла. И вот оно – готовая тайна».

– Вот только где мы возьмем с тобой в лесу стеклышко?

– Я уже видела по дороге сюда целых две разбитые бутылки, пап, – очень поделовому заверила дочка. – Зеленую и коричневую.

– Ну тогда за чем же дело стало – вперед! Только давай сначала уберем за собой.

Они быстро привели все в порядок, потом девочка занялась своим «секретом», а Игорь устроился поудобнее, прислонившись спиной к дереву, и закрыл глаза.

– Ой, а чем бы мне ямку выкопать? Пап, дай мне свой перочинный нож!

– Держи, только будь, пожалуйста, осторожнее, не порежься. Он довольно острый.

В лесу не было ни ветерка. Тишина нарушалась лишь тревожными криками улетающих в теплые края стай да бойким журчанием ручья. И, если прислушаться, можно было уловить едва ощутимый звон, исходящий от могучего дерева.

– Пап, иди чего покажу!

Настена вся светилась от удовольствия. Видно, «секрет» удался на славу.

– Ну пойдем. – Игорь поднялся на ноги.

Они обогнули дуб, и дочка с гордостью показала рукой, но почему-то не на землю, а на ствол:

– Смотри!

На шершавой коре могучего дерева появилась свежевырезанная надпись чуть кривыми печатными буквами: «Игорь Ася Аля».

– Что же ты наделала, чучело-мяучело?! – ахнул Игорь.

– А что такое? – удивилась девочка. – Ты же сам сказал, что этот дуб проживет еще много-много лет. И все это время на нем будут наши имена. Здорово, правда? Мы будем приходить сюда и читать. И другие люди будут читать и думать: «Интересно, кто они такие, эти Ася, Игорь и Аля?»

– Настька, но разве так можно! Дерево – оно же живое! А ты по нему ножом... Это то же самое, как если бы кто-то вырезал надпись прямо у тебя на руке. Как ты считаешь, тебе бы понравилось?

Настена испуганно посмотрела на отца, потом на свою руку, затем снова на Игоря.

– Но я же не знала... Я не думала... – залепетала она. Глаза ее тут же наполнились слезами. – Папа, прости, я больше не буду-у-у-у!

– Это не у меня надо просить прощения, а у дерева. – Игорь изо всех сил старался казаться строгим, но в душе его уже боролись умиление и жалость к такому глубокому и искреннему детскому раскаянию.

Настя, как могла, обхватила ствол и уткнулась зареванным лицом в шершавую кору.

– Деревце, миленькое, не сердись! Я больше никогда-никогда не буду делать тебе больно! И вообще никому не буду!

Она еще поплакала, пошмыгала носом и повернулась к отцу:

– Как ты думаешь, дуб простил меня?

– Думаю, да, – милостиво признал Игорь.

Он снова расстелил половичок, лег на него навзничь, раскинув руки крестом, еще всхлипывающая Настена уткнулась ему под мышку, обняла одной рукой, и вот так они лежали долго-долго, вслушиваясь в шум ручья и крики пролетающих птиц. А дуб над ними иногда как будто вздрагивал, ронял огромные листья, и те опускались прямо на них.

– Если долго-долго не стряхивать листву, – вдруг прошептала девочка, – то мы будем заживо погребены.

Он вздрогнул. Так неожиданны были эти слова. И для ее возраста, и вообще...

– Чего это ты вдруг, Аська?

– Пап, а я раньше думала, что люди вырастают, чтобы жить.

– Конечно, а для чего ж еще?

– А они вырастают и умирают.

Он хотел ей возразить, сказать, что все это совсем не так. Что все взрослые, прежде чем умереть, живут долго и счастливо. Но не стал. Потому что вспомнил себя в детстве.

Как страшно и больно было ему, когда он только-только осознал, что в мире есть такая штука, как смерть. Он не мог успокоиться несколько дней. Ходил в слезах и приставал к взрослым: «Ну как вы можете жить так спокойно, если знаете, что это не навсегда? Почему взрослые занимаются неизвестно чем – работают, смотрят телевизор, ходят по улицам, вместо того чтобы дни и ночи проводить научные исследования и искать лекарство от смерти? Ведь научилось же человечество справляться с разными страшными болезнями! Почему же никто до сих пор еще не изобрел прививки от смерти?» Тогда ему казалось, что человек всемогущ. Разве это не ерундовая задача для существа, летающего в космос, – придумать одно, всего-то одно чудодейственное средство?

Он обижался и недоумевал, когда над ним ласково посмеивались и пытались занять его чем-нибудь другим.

Вот и Аська, видимо, сейчас осмысливает эту горькую взрослую правду. «Я думала, люди вырастают для того, чтобы жить, а они умирают...» – надо же, как правильно сказала...

К машине вернулись почти затемно. Довольные, отдохнувшие, забывшие обо всех печалях, с огромной охапкой разноцветной листвы для мамы. Аля такие подарки обожала. Самые красивые листья она собирала в букеты, ставила их в вазы и украшала ими всю квартиру – иногда просто так, иногда дополнив композицию пушистой еловой лапой или веткой боярышника с ярко-красными ягодами. «Икебана» – так, смеясь, называла она свои творения.

Остальные листья Алька засушивала между книжных страниц. Почти каждый том в обширной библиотеке Быковых хранил в себе такую вот память об их осенних прогулках, что не уставали отмечать знакомые, бравшие у них что-нибудь почитать. А Игорь с Настенкой очень любили среди зимы взять наугад

какую-нибудь книгу с полки, найти в ней кленовый лист, долго его рассматривать, а потом положить в большую хрустальную пепельницу и поджечь. Сухой душистый лист тлел и на несколько мгновений наполнял всю комнату светлым и грустным ароматом осени.

Иногда Игорь спрашивал себя, за что ему столько счастья? Отчего именно его жизнь одарила так щедро? Замечательные родители, крепкая семья, любимая женщина, обожаемая дочь. Отличная работа, верные друзья и самый лучший в мире начальник. Может, там, на Небесах, когда Бог распределял жизненные блага, ангелы на минутку отвлекли его, и он сыпанул ему, Игорю, лишнюю порцию? И только постоянные воспоминания о прошлом его, признаться, смущали. Это походило на итоговый зачет перед... Перед чем, он не знал, зато совершенно точно мог сказать, что никаких перемен ни в своем окружении, ни в своем существовании он не хочет.

– И еще мы поедem в Дагомыс.

– И купим щенка.

– И новую кухню.

– Домик для Барби.

– Брючный костюм.

– Ролики.

– Шелковый плед.

– Дамы, дамы, притормозите, – Игорь с притворным ужасом замахал руками. – Вы не поняли, это будет не Нобелевская премия, а всего лишь скромная прибавка к зарплате...

– Милый, ну какой же ты скучный! Дай девушкам помечтать.

– Хорошо, тогда я присоединяюсь. Хочу цифровую фотокамеру. Компьютер. Новую машину и костюм с бабочкой.

Аля глянула на него с одобрением.

– Тогда еще билеты на круиз по Средиземному морю. Ну чтобы костюм не пропадал. Настена, давай, твоя очередь.

– Шубу! – не задумываясь, выпалила девочка.

– Ого. Да мы воспитали настоящую леди, – Игорь подмигнул жене. – Асенька, давай еще сразу, бриллиантовое кольцо.

– Можно и кольцо. Только это я не для меня, а для мамы...

На работе дела у Игоря шли как никогда хорошо. В октябре им обещали большую премию по итогам третьего квартала, но обещанного, как говорится, три года ждут. В данном случае ждать пришлось всего лишь несколько недель. И вот радостное событие почти свершилось. Старик сказал – премия будет еще до ноябрьских праздников.

Подогретые ожиданием солидных денег, водители в курилке только и говорили о том, на что бы эту сумму потратить. У них так было принято – всенародно обсуждать покупку мягкой мебели, обновки жене и прочие траты.

Игорь тоже думал тогда, что приобрести. Деньги обещали немалые – почти пятьсот долларов. У Настены скоро каникулы... Хорошо бы куда-нибудь съездить с женой и дочерью. Он так много рассказывал Аське о море, так хотел, чтоб она его увидела.

Конечно, ему очень хотелось обновить свою фотолабораторию, купить новый современный фотоаппарат и разные аксессуары, которых столько появилось в продаже в последние годы. Но те идеи, которые приходили в голову, при суммировании затрат на них значительно превышали размер обещанной премии.

В итоге, как всегда, все вышло не по плану.

В последний день октября Игорь высадил пассажиров у спортивного магазина. Уже отъезжая, он кинул случайный взгляд на витрину и сразу затормозил. За сверкающим стеклом он увидел детский велосипед.

Игорь тут же вспомнил недавний разговор с Настеней. Девочка взахлеб рассказывала, как отчаянно гоняют на великах ее приятели по двору. Тогда он пропустил это мимо ушей, но сейчас вспомнил и рассмеялся, поняв, что это был неловкий намек его не научившейся еще хитрить дочери.

Велосипед был хорош. По размеру он как раз подходил под рост Аськи и плюс имел запас – можно будет регулировать высоту руля и удобного кожаного сиденья. И самое главное – велосипед ему понравился. Абсолютно белый (Игорь никогда до этого не видел белых велосипедов, даже детских), с маленькими изящными педалями, небольшой спинкой у сиденья и желтыми задорными кисточками, украшавшими ручки на руле. «Прямо под цвет ее курточки», – отметил про себя Игорь. Блестящий корпус был украшен оригинальным орнаментом, кое-где наложенным неровно, что создавало впечатление, будто велик разрисован вручную, а не спущен с конвейера.

Это был не просто велосипед. Это был велосипед для Настены.

Игорь тут же понял, что вернется сюда сразу, как только получит премию.

Так он и сделал. Деньги выдали в самом начале ноября, и Игорь вздохнул свободно. Все это время он немного беспокоился, что двухколесное чудо уйдет к другому, более удачливому покупателю. Но теперь волнения были позади. Настена успеет обновить свой первый в жизни личный транспорт еще до того, как выпадет снег.

На другое утро без десяти десять он уже стоял у запертых дверей спортивного магазина. Игорь помнил, что во времена его детства к велосипедам, всем этим «Школьникам», «Орлятам», «Ласточкам» и «Украинам», на которых гоняли он и его приятели, обязательно прилагался насос и маленькая сумочка для инструментов, где лежали специальные гаечные ключи. Теперь же все это нужно было приобретать дополнительно. Поразмыслив, он купил еще и запасную цепь, фонарики на колеса, которые сверкали при езде, пластиковый шлем, а также наколенники – на всякий случай.

Сюрприз, как он и предполагал, получился ошеломляющим.

Возвращающихся из школы Алю и Настену он встретил у парадного. Рядом с ним в целлофановом пакете с большим красным бантом стоял такой маленький для взрослых и такой огромный для девочки велосипед.

Аська всплеснула руками и бросилась отцу на шею. Игорь подхватил ее на руки, прижал к себе и почувствовал, что она плачет от радости. Угодил!

– Спасибо, папа, – только и смогла пролепетать она. Он опустил ее вниз, погладил мокрые щечки:

– Тебе нравится?

– Круто! Ты у меня самый классный папка на свете!

– Да уж, класснее некуда! – покачала головой Аля. – И где, скажи на милость, мы будем его держать? В парадном ведь не оставишь – украдут. Придется каждый раз тягать на себе на пятый этаж без лифта. А куда его деть – в нашей-то малогабаритной?

– Да хоть на балкон.

– Ерунду не говори, ладно? Он же весь проржавеет за зиму!

– Тогда в кладовку.

– Там совсем нет места.

– Значит, поставим на лестничной площадке.

– Соседи с ума сойдут от радости! Лучше бы ты купил ей щенка...

– За что я тебя люблю, так это за то, что ты никогда не ворчишь! – улыбнулся Игорь и поцеловал жену.

Пока они препирались, Настена уже успела сбросить школьный рюкзак, распаковать велосипед, торопливо разрывая целлофан, и вскарабкаться на сиденье.

– Аська, подожди, надо еще проверить, хорошо ли закреплены руль и педали! – спохватился Игорь, но дочка, которой не терпелось обновить подарок, только отмахнулась:

– Да все в порядке! Мам, пап, смотрите! – Она тренькнула сигнальным звоночком и неуверенно сдвинулась с места. Каталась девочка еще не слишком хорошо. Весь ее опыт ограничивался несколькими поездками на великах друзей – «отсюда вон до того дерева и обратно».

– Просто супер! – Игорь поднял вверх большой палец.

Сколько раз он потом вспоминал этот миг... Сколько раз долгими бессонными ночами мысленно возвращался в тот серый ноябрьский день. Если бы она так не торопилась! Если бы он все-таки настоял на своем и завернул бы поплотнее сиденье и руль!.. Это заняло бы всего лишь несколько минут – и не позволило бы его жизни так разительно измениться...

– Смотри, аккуратнее, и не отъезжай далеко, слышишь! – напутствовала Аля.

Наверное, именно в такие моменты ангелы-хранители забывают о тех, кого им положено охранять и беречь. Отвлекаются на миг, увидев, что их подопечные предельно счастливы. Поэтому именно в такие моменты происходит самое чудовищное из всего того, что может произойти...

То, что случилось дальше, Игорь запомнил до мельчайших деталей. Настена сделала три круга по двору, сначала осторожно и неловко, покачиваясь на своем велике, точно матрос на палубе и вихляя из стороны в сторону, затем все бойче и уверенней.

Четвертый круг получился совсем широким. Девочка на велосипеде выехала за пределы двора и помчалась по тротуару, у самой проезжей части, где было довольно оживленное движение.

– Аська, не надо туда ездить! Настена, а ну вернись! – почти хором крикнули родители.

И, то ли послушавшись их замечаний, то ли стараясь разъехаться с идущими по тротуару людьми, она попыталась свернуть, резко крутанула руль... и тот повернулся только в месте соединения, не изменив направления движения колеса. Предчувствия Игоря подтвердились – крепления действительно не были закручены до конца и быстро разболтались.

Настена не справилась с управлением. Маленькая фигурка в ярко-желтой курточке вылетела из седла и упала прямо на дорогу. Следом повалился блестящий новенький велосипед. Игорь, словно в замедленном кино, видел весь этот страшный полет, продолжавшийся, казалось, целую вечность, – и не мог пошевелить ни рукой, ни ногой.

«Я сплю, это сон, это кошмарный сон!» – пронеслось у него в голове.

Но падение Аски не было сном. Как не был сном отчаянный, точно крик о помощи, скрип тормозов красной «восьмерки». И глухой удар бампера, отбросивший Настену далеко в сторону. И истошный женский визг, покотившийся волной по всей улице.

Каким-то нечеловеческим усилием Игорь вывел себя из ступора и рванул к дороге.

Ася лежала на боку. Рукав желтой курточки был разорван, неестественно бледное личико и сжатые ручки перепачканы в грязи. Глаза ее были закрыты, но крови нигде не было видно. Первое, что он подумал: «Слава богу, она просто упала...»

– Только не трогайте ее, не трогайте! – призывал чей-то взволнованный голос за спиной, но Игорь не послушался. Он нагнулся, схватил дочку на руки и прижал к себе. Девочка еле слышно застонала, но глаз так и не открыла.

Кругом, словно в другом мире, люди кричали: «Скорую!», «Звоните в милицию!», «Врача, срочно врача!»

Настена наконец открыла глаза, и Игорь похолодел. Увидеть в глазах ребенка такую боль, такое нечеловеческое страдание просто невыносимо, а если еще это твой собственный ребенок... Девочка пыталась что-то прошептать, и капелька крови, а потом и целая струйка потекла у нее изо рта на шею. «Вот тебе и нет крови», – тупо подумал он. Лучше б она вся была в крови, но снаружи, тогда все еще было бы поправимо, а теперь...

Худенькое тельце дернулось, и глаза опять закрылись. Похоже, Ася потеряла сознание.

Не выпуская дочери из рук, Игорь поискал глазами Алю и не сразу увидел, что его жена тоже лежит недалеко на тротуаре. Около нее хлопотали две женщины. «Обморок», – понял Игорь.

Движение на улице остановилось. Около той проклятой «восьмерки» суетился невысокий усатый мужчина с таким же, как у Настены, белым лицом и что-то бормотал. Игорь догадался, что это и есть водитель, задавивший его дочь, и где-то в глубине сознания профессионала тут же мелькнула мысль: «Он не виноват. Он ничего не мог поделать...»

«Скорая» приехала быстро, но даже если бы она примчалась мгновенно, Асю бы это не спасло. Девочка была уже мертва. Все произошло за считанные минуты.

Врачи поставили на землю носилки, положили на них Настену, закрыли черным пакетом, и молоденькая крашеная блондинка в докторском халате тут же принялась торопливо заполнять какие-то бумаги. Порыв ветра сдул один из белых листов и опустил его прямо на спрятанное под черным пластиком тело девочки. Игорь вздрогнул. Аськин голос, произнесший: «Если не стряхивать листья, то скоро окажешься заживо погребен», прозвучал так явственно, что ему стало не по себе.

Он подбежал к жене. Аля, которую уже привели в чувство, полулежала на лавочке, откинувшись на спинку. Ее волосы, обычно всегда так аккуратно причесанные, растрепались, спутанные пряди закрывали лицо.

– Алечка... – Он хотел спросить, как она, но слова застрели в горле. Жена подняла голову и с ненавистью посмотрела на него:

– Это ты!.. Ты во всем виноват! Это все ты и твой проклятый велосипед!

Казалось, что гулкое эхо ее крика пронеслось по двору, ударяясь о стены домов, и помчалось дальше, вдоль по улице, перекрывая весь остальной городской шум. Мир Игоря, еще несколько минут такой счастливый и безоблачный, с грохотом рухнул в пропасть.

Глава 3

Беда не приходит одна

Настену похоронили на старом Покровском кладбище, рядом с родителями Игоря и бабушкой, не дожившей всего трех месяцев до рождения правнучки. На похороны собралось неожиданно много народу. Соседи по пятиэтажке, сослуживцы Игоря, учителя из школы, Настенины одноклассники и приятели по двору с родителями, бабушками и дедушками – все пришли, чтобы как-то поддержать их с Алей и проводить в последний путь веселую девочку, которую они так любили. Девочку, которой так и не исполнилось девять лет. Маленький гроб буквально утопал в цветах. Больше всего было хризантем, белых, желтых и сиреневых, и Игорь потом еще долго не мог без содрогания видеть эти последние осенние цветы.

Они оба были словно во сне, особенно Аля, которую врачи постоянно пичкали таблетками и кололи антидепрессантами. Осунувшаяся, с ввалившимися сухими глазами, она двигалась как автомат и, что самое страшное, все время молчала. После страшных обвинений, которые она выкрикнула там, во дворе, жена не сказала ему больше ни слова. Напрасно Игорь пытался заговорить с ней, уговаривал поесть, интересовался, как она, что-то спрашивал, напоминал о всевозможных утомительных делах и заботах, которые неизбежно сваливаются на людей, потерявших близких, – Аля не отвечала, словно даже и не слышала его. Ночами, когда Игорь, забывавшийся иногда тяжелым сном, вдруг просыпался, он каждый раз видел, что жена неподвижно лежит на спине и смотрит в потолок. Обращаться к ней было бесполезно. Она разговаривала, кратко и нехотя, кроме врачей, только с одним-единственным человеком – со своей теткой. Наталья приехала уже через несколько часов после трагедии и взяла на себя большую часть хлопот о похоронах и поминках.

Совсем недавно, меньше десяти лет назад, Игорь хоронил своих родителей и бабушку, практически одного за другим. Но тогда отчего-то это не было так ужасно. Когда он, стоя над могилой, прощался с отцом, он понял, что подсознательно был готов к этому всю свою жизнь. Может, это и правда заложено в нас природой? Страшно терять родителей. Но когда теряешь детей, вместе со страданием в душе рождается непонимание, отчаяние от нелогичности и несправедливости происходящего.

Самое странное, что боли Игорь первое время почти не ощущал. Она пришла потом. А тогда было лишь оцепенение и еще какое-то странное чувство, недоумение, что ли... Будто бы сознание никак не хотело мириться с мыслью, что Настены больше нет. Приходя домой, он первое время никак не мог понять, почему она не выбегает ему навстречу, и постоянно ловил себя на том, что, находясь в городе, норовит купить дочке то игрушку, то шоколадку, то ее любимый «чупа-чупс» со жвачкой внутри.

Сразу после похорон Наталья уехала к себе – нужно было ухаживать за скотиной. Игорь отвез тетку жены на вокзал. Всю дорогу молчали. Только садясь в поезд, она вдруг всплакнула, тихонько перекрестила его и попросила, сжав его руку выше локтя по-мужски сильными пальцами:

– Ты уж это... Береги Альку-то.

Когда он вернулся, в квартире разрывался телефон. Аля была дома, но словно не слышала настойчивых трелей. Игорь снял трубку. Звонил Старик.

– Ты, конечно, как хочешь, – сказал он. – Могу оформить тебе отпуск. Но мой тебе совет – не стоит этого делать. Поверь мне, сейчас тебе лучше быть на людях. Легче, конечно, не будет. Но все-таки...

Игорь окинул взглядом прихожую. Зеркало занавешено простыней, дверь в Настенину комнату плотно закрыта, на вешалке еще висит ее клетчатое пальтишко, в углу притулились розовые резиновые сапожки, один завалился набок.

– Да, Арон Натанович, – ответил Игорь. – Я завтра же выйду на работу.

Садиться за руль он не боялся. Профессионализм оказался сильнее эмоций, и девочки в желтых куртках на белых велосипедах ему не мерещились. А вот дядька, что сбил Настену, хотя его и признали невиновным, ездить больше не смог. Соседка тетя Клава рассказывала с чьих-то слов, что он сразу же продал свою «восьмерку» какому-то азербайджанцу.

Старик, как всегда, оказался прав. Легче не становилось, но работа, разговоры ребят в курилке, поездки по городу, общение с пассажирами, которые, разумеется, ничего не знали о его несчастье, все-таки немного отвлекали. Сидеть дома, с головой погрузившись в собственное несчастье, так, как это делала жена, было бы просто невыносимо. Он вообще не мог находиться там, рядом с молчаливой и безучастной Алей, среди детских вещей, которые из-за каких-то непонятных примет нельзя было убирать то ли до девяти, то ли до сорока дней. Игорь ругал себя за малодушие, но в квартиру на последнем этаже хрущевки приходил только спать.

Раздражало еще и то, что все, кто знал о его несчастье, считали своим долгом сказать ему что-то ободряющее. Одни просто жали руку, обнимали, хлопали по плечу и предлагали всегда обращаться к ним, когда понадобится помощь, и это было еще ничего. Но было немало и других, тех, кто хотел знать подробности, лез с расспросами или «утешающими» рассказами о людях, которым еще хуже, кто потерял сразу двоих детей или чьи дети были инвалидами. Почему-то такие рассказчики считали, что, услышав про чужое, еще большее горе, Игорь начнет терпимее относиться к своему.

После гибели дочери прошла ровно неделя. Близилась девятины. Аля уже начала закупать продукты для поминального стола – все так же молча, не советуясь с ним.

Ночью Игорю приснился сон, настолько яркий и реальный, будто все происходило наяву. Ему привиделся лес, еловый и, видимо, утренний, потому что от темной мокрой земли поднимался густой белый туман, тот самый, которого так боялась его дочь. В тумане Игорь разглядел огромный старый дуб и совсем не удивился, когда из-за могучего дерева вдруг показалась Настена. Она выглядела очень странно: в длинной узкой темно-синей юбке, коротком голубом пиджаке и с высоким узлом волос на маленькой головке. В этом наряде девочка так разительно была похожа на свою мать, что Игорь в первый момент даже принял ее за Алю. Только потом, разобравшись, понял, что перед ним Аська, и тут же понял и другое, то, что до этого, и во сне и наяву, его сознание

отказывалось вместить – его дочь мертва. Ее больше нет. Она никогда не вернется к нему.

Он рванул к ней, пытаясь обнять ее и хоть как-то удержать, но в его руках оказался лишь туманный воздух. Девочка молчала и холодно, точь-в-точь как Алька наяву, глядела на него.

– Как ты там, Аська? – растерянно спросил он.

– Мне плохо одной, – призналась она и медленно пошла прочь по тропинке. Он не бросился за ней, откуда-то зная, что догонять бесполезно. Но прежде чем исчезнуть в тумане, дочь обернулась и повторила:

– Мне очень плохо одной.

Открыв глаза, Игорь на себе почувствовал, что значит «проснуться в холодном поту». Он действительно был мокрым как мышь. Али рядом не было.

Ноябрьский день выдался хмурым и холодным. Снег еще не выпал, но небо было свинцово-серым, а лужи за ночь покрылись ломкой корочкой льда.

Около двух, когда они с приятелем Сережкой Бугровым только собрались попить чаю, в курилку заглянула Танюшка, одна из диспетчеров:

– Игорь, там тебя какая-то женщина к телефону спрашивает.

– Аля? – Он удивленно поднял брови.

– Нет, не Аля, – помотала рыженькой головой Танюша. – Незнакомый голос. И... не знаю, как сказать. Официальный какой-то.

– Наверное, из милиции, – предположил Серега. – Какую-нибудь бумагу забыли подписать.

Звонили действительно из милиции, но повод был куда более серьезным...

– Быков, Игорь Анатольевич? – осведомился сквозь помехи бесстрастный женский голос. – С вами говорит младший лейтенант Дроздова.

– Да, я вас слушаю, – отвечал Игорь. Девочки-диспетчеры изо всех сил старались не смотреть в его сторону.

– Мужайтесь, Игорь Анатольевич, – быстро проговорила женщина в трубке. – У меня для вас плохое известие.

– Что еще? – выдохнул Игорь.

– Ваша жена, Алевтина Викторовна Говорова, сегодня около половины одиннадцатого утра выпала из окна.

– Что-о-о?

– Есть версия, что она мыла стекла. Поскользнулась и... – он вдруг понял, что женщине-лейтенанту тоже нелегко давался этот разговор.

– Она жива? Где она?

– Алевтину Викторовну Говорову отвезли в городской морг номер один. Вам надлежит прибыть туда для опознания тела.

Выйдя на нетвердых ногах из морга, Игорь первым делом свернул в ближайший магазин за сигаретами. Курить он бросил почти десять лет назад, в тот самый день, когда Алька с сияющими глазами вернулась из женской консультации и сообщила, что уже шесть недель ждет ребенка. Но теперь Игорь почувствовал, что сигарета ему необходима. Иначе он не справится.

От обилия и разнообразия цветных пачек разбегались глаза. Большинство марок были ему незнакомы. Игорь остановил свой выбор на привычных «LM» и, подумав, взял еще и бутылку водки. Тут же, в магазине, свернул крышку и сделал большой глоток. Ничего не произошло.

Он шел домой и прихлебывал водку из горлышка, точно пиво или даже минералку.

«У меня ужасное имя Алевтина. Оно подходит женщине после шестидесяти. Чем-то похоже на слово «нафталин», вам не кажется? Надеюсь, я никогда не буду настолько старой, чтоб носить это имя».

Да. Теперь уже точно не будет.

В графе «Причина смерти» четким разборчивым почерком было написано: «Несчастный случай». Его жена действительно мыла кухонное окно. Створки были открыты, на подоконнике стояло ведро с мыльной водой, невдалеке от тела валялась тряпка. Почему Але пришла в голову такая странная для холодного ноябрьского утра идея, теперь уже никто не узнает. Возможно, она хотела привести в порядок квартиру перед девятинами. Но этот вопрос не столь уж занимал Игоря. Назойливым молоточком в его голове стучала другая мысль: а случайно ли Аля упала из окна? И он не мог сказать, действительно ли хочет знать ответ на этот вопрос.

– Ну наконец-то, есть Бог на свете! – Наталья Говорова всплеснула руками. – А я вас видела на похоронах. Вы его знакомый, да? Или Алькин?

Она посторонилась, пропуская в избу статного седого мужчину. Арон вошел в дом.

– Это же ад крошечный! Просто медленно убивает себя мужик. Еще месяц, и его тоже можно будет хоронить... – причитала женщина. – Как хорошо, что вы приехали!..

– Вот и я о том же... Вы не представляете, где только я его не искал, всех соседей замучил. Пока не догадался порасспросить коллег Алечки. Как-то сразу не подумал, что он может уехать к родственникам жены...

– Да одна я была у Альки родственница. Тетка я ей, матери ее покойной сестра. И вот еще у меня... племянничек, – Наталья кивнула в сторону окна, откуда был виден большой сарай. – Там живет, уж скоро неделю. Ко мне даже есть не приходит. Я уж звала-звала его в дом – ночи же холодные, зима на носу, вот-вот снег ляжет. Там, конечно, тепло – я ведь там скотину держу – но все же... А он не идет. Видно, водкой греется... Завернется в тулуп и спит. А проснется – и скорей

к магазину. Купит ее, окаянную, и опять... Эх!

Наталья только рукой махнула.

– Да уж, свалился на вашу голову, – посочувствовал Арон.

– И не говорите, – женщина тяжело опустилась на шаткий сосновый табурет. – Мне ведь и самой нелегко. Я ж, как и он, и Настенку, и Алевтину схоронила. Одна осталась как перст. Так не гневлю ж Бога! А этот... Боюсь даже его. Вдруг учудит чего по пьяни, вон он какой здоровый... Или, того хуже, переберет да и замерзнет под забором. Что я тогда делать буду? Вы уж заберите его, а? Жаль ведь парня, пропадет совсем...

Арон обогнул дом и толкнул дверь сарая, служившего, очевидно, сеновалом. По специфическому запаху было понятно, что скотина находится где-то рядом, видимо, за перегородкой. На сене, подстелив под себя какой-то мешок и укрывшись старым тулупом, лежал Игорь.

Старик подошел поближе, заглянул в его лицо и отшатнулся. Не может человек так измениться за какую-то неделю, это просто нереально. Игорь похудел и как-то постарел. Арону показалось, что он видит перед собой ровесника. И главное – глаза, мутные и совершенно мертвые глаза.

– А-а, Арон! Заходи! – приветствовал он, и к ароматам сарая добавился еще один запах – перегара.

– Пойдем, – негромко позвал Старик.

– Куда ж мне идти? – Игорь опять посмотрел на него своими жуткими глазами. – Я уже дошел.

– Это точно. Ты уже так дошел, что дальше просто некуда... – кивнул начальник. – Очнись, Игорь! Ты уже совсем человеческий облик потерял!

Игорь помолчал, затем повернулся, покопался в сене и вытащил початую бутылку водки.

– Выпей со мной, Арон!

Старик взял поллитровку у него из рук, поморщился:

– Нет, не стану я с тобой пить. И тебе больше не позволю.

И вылил водку прямо в угол сарая, на землю. Игорь попытался протестовать, но речь его была невнятной.

– Ну хватит. Пойдем.

Не по возрасту сильные пальцы Старика клещами вцепились в руку Игоря и заставили его подняться. Тот пробормотал что-то, но подчинился. Арон буквально запихнул вялое и ослабевшее тело в машину.

– Вы уж за ним присмотрите, – Наталья вышла на крыльцо, кутаясь в серый пуховый платок. – Хороший он, Алевтинку шибко любил и Настену... Таких мужиков поискать. Жалко будет, если так откинется...

– Не откинется, не волнуйтесь. Все с ним будет хорошо. Время – лучший лекарь. Вы, Наталья, себя берегите, а он не пропадет.

– Да мне, старой, что будет... Жизнь прожита. Всех родных похоронила. – Она помолчала. – Он один у меня и остался...

Наверное, самая причудливая в мире вещь – это время. Принято считать, что в радости оно летит незаметно, а в скуке и ожидании еле-еле плетется. Но люди, пережившие большое горе, знают, что иногда и в тоске время пробегает довольно быстро.

Месяц пролетел так, что Игорь почти его не заметил. Арон и его семья выхаживали его, как тяжелобольного. Чуть ли не силком заставляли есть, поили отварами каких-то трав и ни на минуту не оставляли одного.

За последнее Игорь был им особенно благодарен. Он и сам не решался признаться себе, насколько страшно ему оставаться наедине со своими мыслями

и воспоминаниями. В ушах до сих пор звучали страшные слова жены: «Это ты во всем виноват!» А иногда, в особо тяжелые минуты, в сердце закрадывалось сомнение – а что, если это был не несчастный случай? Если Аля покончила с собой, не захотев жить с мужем, которого считала виновным в смерти их дочери?

Первые дни без водки были невыносимыми. Казалось, что над ним проводят какой-то бесчеловечный эксперимент, вроде операции без наркоза. Каждый звук, каждое слово, каждый запах тут же вызывали в нем рой воспоминаний о прежней жизни. Стоило ему выглянуть в окно, как он тут же видел там то женщину, похожую на Альку, то школьницу с таким же, как у Настены, розовым рюкзаком.

Супруга Арона, полная и улыбочивая Дора Львовна, так же как и Аля, предпочитала мыть посуду содой, а не всевозможными «чудодейственными» средствами, которые так активно рекламировали по телевизору. Она так же мыла полы вручную, а не при помощи швабры, и так же считала, что гречку непременно надо обжарить, перед тем как бросить в кипящую воду. Игорю не было известно, сколько еще знакомых и незнакомых женщин поступают подобным образом, но ему каждый раз казалось, что все вокруг словно специально напоминает ему о тех временах, когда рядом были жена и дочка.

Выпить хотелось невероятно. Не столько из-за слабости воли, сколько из-за безразличия к собственной жизни. В самом деле, ради чего все это? Зачем дальше жить? Что бы ни говорил Старик, Игорь точно знал – половина его души умерла вместе с Настеной, а другая закончила свое существование в тот день, когда не стало Али. И никто его в этом не переубедит. Даже если дни напролет ему будут рассказывать, как хороша жизнь и как прекрасно существовать в этом мире несмотря ни на что.

В доме постоянно толклись люди. У Старика и Доры Львовны было два взрослых сына, которые хоть и жили отдельно, но по нескольку раз в неделю навещали родителей, часто с женами и детьми. Кроме сыновей, невесток и внуков, приходили еще и соседи, бывшие сослуживцы Доры (она была дантистом), друзья, подруги, их дети и внуки и, конечно, ребята из автопарка. И все они воспринимали пребывание Игоря в квартире Арона как должное.

Игорю, пожалуй, даже нравилась такая жизнь. У них с Алей гости бывали сравнительно редко, разве что Аськины подружки. А тут каждый день народ,

дым коромыслом, интересные разговоры, в которые Игорь волей-неволей оказывался втянут. Ему нравилось беседовать и с остроумной и язвительной Дорой Львовной, и с обоими ее сыновьями, но наибольшее удовольствие он получал от общения со Стариком.

Арон действительно говорил много. Он постоянно что-то рассказывал. Иногда это были истории из его жизни или из жизни его родственников и знакомых, но Игорю гораздо больше нравились всевозможные легенды и сказания. Выдуманные герои всегда казались мудрее ничтожного реального существа. Они могли противостоять судьбе, могли бороться со злом и выходить из этой борьбы победителями. Они правильно жили, красиво любили и достойно умирали.

Старик знал множество мифов и преданий разных стран и народов. Он рассказывал про египетские пирамиды, про тайну Янтарной комнаты, про индуистских богов и обитателей греческого Олимпа. У него даже имелся небольшой телескоп, и Игорь, никогда до этого не интересовавшийся звездным небом, был просто очарован этой бесконечной безмолвной красотой.

– Посмотри, сынок! Только посмотри! – про звезды и туманности Арон мог разговаривать часами. – Что ты видишь? Какие созвездия? Назови.

– Я знаю только Малую Медведицу. – Игорь виновато разводил руками.

– Да ты небось только название и знаешь, – ехидно улыбался Старик.

– Нет, еще могу найти Полярную звезду.

– Ну, велика заслуга, – хмыкал Арон. – Любой ребенок отыщет на небе Полярную звезду. А ты знаешь, например, что в Малой Медведице сейчас находится Северный полюс мира? Финикийцы почитали это созвездие больше всех остальных. Оно просто необходимо было мореплавателям. На него ориентировались, и оно никогда не подводило. А кавказские народы называют Полярную звезду Гвоздем, вбитым в небо.

И Игорь, сам того не желая, с интересом прислушивался.

– А вон созвездие Тельца, – продолжал Арон. – У древних народов оно считалось самым главным, так как новый год начинался весной. А вон там, видишь, Большой Пес и его главная звезда – Сириус. Правда, красавец?

Он относился к звездам, как к живым существам, и со временем Игорю стало казаться, что это вполне оправдано. Они и впрямь были словно живые.

– Смотри, там, слева, Персей и его главная звезда Алголь. Ее еще называют – Звезда Демона. Это капризница, мерцающая звезда. Когда она недостаточно яркая, ее не видно невооруженным глазом, зато когда просыпается, сияет с новой силой. А это – Кассиопея, ближайшее к нам созвездие. Пока... Только представь – одна из ее звезд каждую секунду удаляется от нас почти на сто километров. Вот непоседа! А вон тот красавец – Орион. Он вполне может гордиться двумя своими гигантами – Ригель и Бетельгейзе. Первый ярче солнца аж в пятьдесят семь тысяч раз...

Игорь слушал и на короткое время забывал про свои беды. Они поневоле казались мелкими по сравнению с бескрайней Вселенной. Когда чувствуешь себя маленькой песчинкой в огромном мироздании, все твои проблемы тоже начинают ощущаться как-то меньше.

– А вон – Близнецы. Мое созвездие. Я родился под этим знаком. Видишь, две самые яркие звезды – это головы близнецов. Их зовут Кастор и Поллукс.

– По-моему, вообще на людей не похоже, да еще на двоих.

– У тебя просто недостаток воображения, сынок! Присмотрись. Как это не похоже? Это, конечно, не фотография. Но ведь легенды и сказания – не документальные повести. А сколько в них ценного, особенно если научиться читать между строк! Сколько мифов существует хотя бы о зодиакальных созвездиях! – Голос Старика становился мягким, он говорил чуть нараспев. Таким голосом читают ребенку сказку на ночь.

– Вот послушай. У греков Кастор и Поллукс считались сыновьями Зевса и Леды, красавицы, к которой во время купания явился громовержец в образе лебедя. Первый из сыновей, родившихся от этого союза, был искусным возничим, а второй – непревзойденным кулачным бойцом. А из-за их сестры – Елены Прекрасной – началась Троянская война. Эту историю я тебе уже рассказывал,

помнишь?

- Про трех богинь и яблоко, которое надо было вручить прекраснейшей?

- Именно. Так вот... Однажды сыновья Леды повздорили со своими двоюродными братьями. Была жестокая битва. Израненный Кастор умер, а Поллукс не захотел расставаться с любимым братом и попросил своего отца Зевса не разлучать их. Всемогущий Зевс согласился, и с тех пор братья всегда вместе. Полгода они проводят на Олимпе, а другие полгода в мрачном подземном царстве Аида, где живут души умерших. Бывает, в один и тот же день звезда Кастор видна на фоне утренней зари, а Поллукс - вечерней.

Как бы хотел Игорь, чтобы такое было возможно на самом деле... Если бы кто-то разрешил ему хоть изредка бывать рядом с Алей и Настеной... Пусть в самом что ни на есть страшном аду.

- Мне всегда было интересно, зачем в природе рождаются близнецы, - Игорь торопливо заговорил на другую тему. - Наверное, им никогда не бывает одиноко. И любое горе делится на двоих.

- Не знаю, сынок, - призадумался Арон. - Близнец - это ведь не обязательно родственник. Не надо понимать все буквально. Иногда совершенно посторонние люди гораздо ближе друг другу, чем выросшие под одной крышей. Все, что рождается в природе, для чего-то ей нужно. Может, у этих людей такая большая душа, что не помещается в одном человеке? А может, наоборот, эти души не успевают за другими и им надо в два раза быстрее набирать опыт. Кто знает?

Наверное, самое страшное для одинокого человека - это праздники. Новый год словно сыпанул соли на совсем свежие раны. Невозможно было существовать в мире радостной суматохи, елок, подарков и пожеланий нового счастья и не думать о жене и дочке. Обе его девочки обожали Новый год. Аля всегда наряжала елку в католическое Рождество и разбирала десятого января, в последний день зимних каникул. А Настена в свои почти девять лет несколько не сомневалась в существовании Деда Мороза. Еще не умея писать, она каждый год готовила для него письма с картинками, изображавшими подарки, которые ей хотелось получить, и постоянно беспокоилась, поймет ли волшебник ее рисунки. А пойдя в школу, уже стала составлять целые послания: «Дорогой

Дедушка Мороз, принеси мне, пожалуйста, детскую косметику «Маленькая фея» и сервиз для Барби. Папе принеси карманный фонарик, а маме шерстяные нитки, чтобы она связала себе красивый шарф в полосочку». И каждый раз радовалась, находя под елкой именно то, что было заказано...

Если бы Игорь был один, в своей квартире, то, наверное, сошел бы с ума от воспоминаний. Но и дома у Старика, где за накрытым столом собралось больше двух десятков человек, ему казалось, что он на очередных поминках. Очень трудно было пить шампанское, когда хотелось взять и опрокинуть в себя бутылку водки.

И после праздников он все-таки не выдержал. Встал рано утром, когда Арон и Дора еще спали, слил в один большой стакан все, что оставалось в бутылках – водку, сухое вино, шампанское и ликер, – сел под той самой картиной «Мир над пропастью» и выпил единым духом. На некоторое время самая легкая в мире анестезия сработала.

Проснувшийся Старик заглянул в залу и нашел его в плачевном состоянии. Ничего говорить не стал, только покачал головой и прикрыл дверь. Через некоторое время вернулся с большой дымящейся кружкой крепкого чая с какими-то травами. Почти силком заставил выпить и уложил спать.

Когда Игорь проснулся, за окнами уже стемнело. Арон сидел в кресле и, нацепив на нос очки, читал «Аргументы и факты».

– Ну что, пробудился? – строго спросил он. – Идем на кухню, поговорить надо.

Старик налил ему крепкого кофе и сел напротив.

– Вот что, сынок, – грустно начал он. – Так дальше продолжаться не может. Если ты собираешься идти по этому пути, то лучше уж намылить веревку и повеситься.

– Я знаю, Арон, – пожал плечами Игорь. – Может, это и правда выход. Никогда бы я не подумал, что буду говорить такое... Всегда других учил. Мол, Бог не дает испытания сверх того, что человек может выдержать. Так моя бабушка говорила. Я думал, да, что-то в этом есть! А как самого коснулось... Не могу я этого вынести! Не жизнь это! Дальше пустое уже все будет...

Собеседник долго молчал. Он не стал сразу переубеждать или уговаривать, и Игорь был ему за это благодарен.

– Вот что, сынок, – заговорил наконец Старик. – Я думаю, выход все-таки есть. Тебе надо уехать из этого города. Тут все вечно будет напоминать о твоей семье. А там ты начнешь новую жизнь, с чистого листа. Создашь себе новый мир.

– Над пропастью? – горько усмехнулся Игорь.

– А хоть бы и над пропастью. Жить-то все равно надо... Ты молодой, у тебя еще многое может появиться. В том числе и другая семья.

Игорь нервно засмеялся:

– О чем ты, Арон? Какая другая семья? Зачем мне новая семья? Да и кому я такой нужен...

– Ты можешь меня не перебивать? – возмутился собеседник. – Сделай милость, дослушай до конца. У меня есть младший брат, Яков. Он живет в Москве и, как и я, всю жизнь имеет дело с автомобилями. Сейчас он старший на одной из стоянок такси, у них точка возле модного ресторана на Рублевском шоссе. Это, кстати, один из самых престижных районов. Туда нужны хорошие водители на хороших машинах. Я уже созвонился с Яшкой и сказал, что в ближайшее время пришло к нему человека, который мне дорог, как сын. Он присмотрит за тобой первое время. Остальное будет зависеть от тебя.

– Ну что ты говоришь, Арон, – махнул рукой Игорь. – Где я буду жить в Москве? У меня там нет никого – ни друзей, ни знакомых... И потом ты говоришь – хорошая машина. А откуда она у меня возьмется?

– Возьмется. Продай все, что есть у тебя здесь, – квартиру, «Жигуленка», мебель. Думаю, получишь тысяч восемнадцать, а то и двадцать. Это, конечно, для Москвы деньги смешные, но их хватит на неплохой автомобиль и на то, чтобы снять квартиру на первое время. Мы с Яшкой уже обсудили этот момент. Он готов помочь тебе и с тем, и с другим.

– Не знаю, – пожал плечами Игорь. – Это так неожиданно... Я всю жизнь прожил здесь, почти сорок лет.

– Прожил сорок лет – и хватит, пора менять обстановку. Здесь ты не сможешь ни жить, ни работать, все постоянно будет напоминать тебе о прошлом. А большие города хороши тем, что быстрее лечат беды. Яшка ведь тоже не так просто туда уехал...

– Ну не знаю, Арон, не знаю... – повторил Игорь, отодвигая от себя чашку с остывшим кофе, к которому он так и не прикоснулся. – Мне надо подумать.

– Только не затягивай, – посоветовал Старик и поднялся, чтобы снова поставить чайник.

Игорь думал недолго. Достаточно только было войти в свою квартиру, чтобы понять – жить здесь он не сможет. И решение было принято.

Он перевез к Старика самую ценную вещь в доме – старинный резной буфет, который обожала его мать и который бабушка в шутку называла «мое приданое». Дора Львовна пришла в восторг от этого подарка.

Все, что могло пригодиться в хозяйстве – от ножей и вилок до стульев, – Игорь в несколько приемов отвез к Наталье. Та только руками всплеснула и несколько раз благодарно перекрестилась, увидев племянника трезвым, да еще и с гостинцами.

Алину и Настенкину одежду и многочисленные дочкины игрушки он отнес в церковь. Себе оставил только трех самых милых сердцу пушистых зверей.

Мебель тоже ушла быстро. Помог дальний родственник Доры Львовны, хозяин антикварного магазина. Игорю даже в голову не могло прийти, что старые настенные часы с гирями, резная бабушкина этажерка или даже большое, разрисованное незабудками, блюдо, на котором сначала мама, а потом Аля подавали фирменный семейный пирог с рыбой, могут стоить так дорого.

Большой телевизор «Sharp», приобретенный меньше двух лет назад с очередной премии, купил приятель Серега Бугров. Другой сослуживец попросил продать

ему старенькие «Жигули» – оказывается, его зять давно хотел работать у Арона, но у него не было своих колес.

Словом, повозиться пришлось только с квартирой. Поиск покупателя, оформление бумаг, заключение сделки у нотариуса – все это заняло почти три месяца. Но, наконец, и эти хлопоты были позади.

Билет Игорь взял на двенадцатое апреля – День космонавтики. Из вещей у него были только две большие спортивные сумки – кое-что из одежды, фототехника, альбомы с фотографиями, негативы, несколько Аськиных мягких игрушек – да пакет со всевозможной снедью, которую собрала ему в дорогу Дора Львовна. Провожали его чуть не всем автопарком. Арон сам, лично, довез его на своей «Ауди» до вокзала.

Уезжал Игорь с чувством полного опустошения в душе. Не было волнения, не было надежд на светлое будущее, но не было и тоски по городу, в котором родился и вырос. Он просто ехал в полную неизвестность от бывшего счастья, внезапного горя и от себя самого. По крайней мере, так он тогда думал.

Глава 4

Цена забвения

Москва, которую Игорь мельком видел один раз двадцать лет назад (если не считать ту бестолковую трехдневную поездку с Сашкой Рябовым), изменилась до неузнаваемости. Он почувствовал это, едва сошел с поезда. Еще более шумная, светливая, безразличная к своим гостям и благосклонная к тем, кто четко усвоил: «Москва слезам не верит». «Да, именно так», – усмехнулся про себя Игорь.

Прямо на асфальте около здания вокзала невозмутимо спали бомжи, рядом копошились чумазные беспризорники, мальчик и две девочки лет семи. Похоже, ни одному из спешащих мимо взрослых не было до них никакого дела.

Площадь трех вокзалов ошарашила потоком машин. Они стояли плотными рядами, почти не двигаясь. Со стен домов смотрели многочисленные рекламные вывески. Видимо, рекламных щитов, натканных через каждые несколько метров, жителям столицы было недостаточно.

Все это было так не похоже на ту гордую Москву, с широкими проспектами, старинными зданиями и неспешным потоком малочисленных автомобилей отечественного производства, которая оставалась в его памяти.

В подземном переходе плотными рядами разместились торговые ларьки и даже небольшой магазинчик трикотажа, где шла оживленная торговля. Игорю казалось, что он попал не в центр великого города, а на бойкую пеструю ярмарку.

Памятуя советы попутчиков, Игорь купил пластиковую карточку и позвонил из телефона-автомата Якову Натановичу. Тот был рад его слышать. Расспросил, как он доехал, и предложил прямо сейчас, не откладывая, встретиться.

– У меня знакомые знакомых квартиру сдают в Гольянове. Небольшая, конечно, и от метро далековато... Но ты ведь скоро на колесах будешь. Записывай адрес.

Метро поразило своим великолепием. В каком-то наборе открыток, которые его жена покупала в большом количестве, он видел одну из станций с бронзовыми скульптурами. Кажется, она называлась «Площадь Революции».

– Знаешь, Игорь, – шептала Аля, прижимаясь к нему перед сном и разглядывая обожаемые открытки. – А наш физик, Павел Петрович, учился в Москве. И он рассказывал, что у москвичей есть такая примета: если поехать на эту станцию, найти среди скульптур собаку-овчарку, потрогать ее нос и загадать желание, оно обязательно исполнится. Он сам много раз проверял. Особенно когда учился в институте, ездил туда каждый раз перед экзаменами. А один раз поленился, и все – завалил.

Она говорила это так серьезно, как ребенок, уверенный в существовании волшебной палочки, шапки-невидимки и других подобных сказочных атрибутов.

– А что загадала бы ты? – с улыбкой спросил он тогда.

Она всерьез задумалась. Игорь, как сейчас, видел ее сосредоточенное лицо, освещенное оранжевым ночником.

- Чтобы мы всегда были вместе.

- Ну для этого в Москву тащиться вовсе не обязательно. Это и так само собой разумеется. Придумай что-нибудь поинтереснее.

- Тогда чтобы ты был счастлив, - промурлыкала она, выключила ночник и свернулась калачиком, положив голову ему на грудь.

- Нет, Аля, это тоже не пойдет. Я и так счастлив - дальше некуда. Подумай еще. У тебя последняя попытка.

- Тогда придумай ты за меня, - пробормотала она, уже засыпая.

Воспоминание было таким четким, таким настоящим, что Игорь поймал себя на том, что стоит посреди мраморного вестибюля и улыбается. Картинка исчезла, вновь нахлынул гул, шум поездов, перед глазами замелькала мрачная разношерстная толпа. Добро пожаловать в настоящее! Он достал из бокового кармана сумки путеводитель и нашел схему метро.

Заветная «Площадь Революции» оказалась не так уж далеко. Игорь немного поплутал, пока разобрался с системой выходов и переходов, добрался до нужной станции и направился на поиски бронзовой овчарки. Он заметил ее почти сразу. Черная псина с натертым до желтизны носом, похоже, никого, кроме него, не привлекала. Видимо, теперь те, кто хотел загадать желание, стояли в очереди к чудодейственным иконам или ходили по бабкам-ведуньям в зависимости от жизненных принципов и толщины кошелька. А раньше уповали на пса... Все логично - не важен источник, важен результат. Человеку нужно, чтобы его желания исполнялись. И еще ему нужна вера в то, что невозможное все-таки возможно.

Игорь медленно коснулся холодного носа. Закрыв глаза. И неожиданно сам для себя прошептал: «Хочу, чтоб Аля и Аська были рядом». И еще раз и еще...

Встряхнул головой, открыл глаза, нехотя оторвал ладонь от желтого бронзового носа. Господи, как тяжело! И никакого просвета. Был ли смысл сюда ехать? Разве можно убежать от себя? От своих мучений, мыслей и воспоминаний?

Он побрел вдоль платформы, рассматривая массивные фигуры строителей коммунизма. Наверное, ночью здесь жутковато. Но вообще очень впечатляет. Все выглядит совсем не так, как на открытке. Там только небольшой фрагмент, а здесь целая галерея. Одинаково громоздкие, крепкие тела мужчин, женщин, детей. Одинаково резкие лица. Даже хрупкая девушка с книжкой смотрит не по-девичьи прямо и твердо. Интересно, что у нее за книга? Ясно, что не стихи поэтов Серебряного века. Наверное, трактаты Маркса или сборник статей «отца народов».

Нужно будет съездить еще на «Маяковскую». Але она заочно нравилась больше всего. Кажется, это одна из первых станций. Она была изображена еще в том, самом первом наборе открыток, который Наталья прятала за двухтомником Чехова.

В отличие от Али, он хорошо знал, откуда в доме Говоровых взялись те открытки.

Наталья рассказала ему об этом давно, сразу после свадьбы. Сама Алина тетка столицу прямо-таки ненавидела, называла ее не иначе как вертепом. В отличие от племянницы, которая с детства бредила Москвой.

– Мы в лагере летом ездили клубнику собирать, – рассказывала ему жена, – так нам говорили: «Отбирайте тщательно, проверяйте каждую ягодку. Это для Москвы». Уж как мы старались!

Алька даже не сомневалась в том, что в столице живут самые лучшие, самые достойные люди. И поколебать эту смешную детскую уверенность было невозможно. Этой своей уверенностью она доводила тетку до белого каления.

– Это у ней от матери, любовь к Москве этой окаянной, – ворчала Наталья. – Ты, Игорь, парень с головой, ты уж держи ее крепче, а то надумает еще тащиться в столицу поганую! Горя потом не оберешься. Мать ейная себя уже угробила... Такая хорошая девка была. Мы с ней забот не знали, пока росла. А как десятый окончила с золотой медалью – так и понесла ее нелегкая в Москву в ниверситет

поступать. – Наталья так и говорила – ниверситет. – На нашу голову! Сперва радости-то было! Всей деревней собирали. Ну а через месяц вернулась. С подарками да с завядшим букетом роз. Провалилась, говорит, одного балла недобрала. Вроде как надо было пятерку получить, а ей четверку поставили. Ну знамо дело, Москва все-таки...

Смотрим мы с матерью на нашу Надюху и не узнаем – точно подменили девку. Сама не своя, то плачет, то смеется, с нами и не говорит почти, а только пишет целыми днями в тетрадку. И все почтальоншу ждет, каждое утро аж за околицу ее встречать бегают. Мы с мамкой пораскинули мозгами да поняли – влюбилась. Ну дело житейское, с кем не бывает. Ничего, повздыхает и забудет. Но время-то идет, а Надеха не успокаивается. Хуже того – смурная стала, делать ничего не хочет, лежит на кровати целый день да ревет, а чего ревет – не говорит. А потом вдруг сказала, что заболела. Собралась с утра пораньше и поехала к доктору.

Она за дверь – а мы с мамкой за ее тетрадку. Как стали читать – матери аж с сердцем плохо стало.

Оказывается, успела Надюшка наша в Москве с парнем познакомиться. Вроде по письмам-то выходит, он какой-то профессорский сынок. Видать, охмурил он нашу дуреху не на шутку. Только и слов у ней, что дорогой да милый, Витенька да Витюша. И поняли мы с мамкой, что у них в этой Москве с Надехой уже все было, всю любовь крутили. Мать-то побледнела, страницу переворачивает, а там такие слова – вот мол, ненаглядный мой, рожу сына да назову его в честь твоего отца-профессора. Ему приятно станет, он и позволит тебе на мне, деревенской девчонке, жениться... Мамка как прочитала это, так и сползла с табурета. Я давай ее откачивать да каплями отпаивать. А не успела та в себя прийти, как Надька вернулась. Вошла и бухнула прямо с порога: «Я беременная!» И в слезы.

Ну что делать, поплакали, погоревали, но вспять-то уже время не воротишь... Родила она сразу после Масленицы. Ждали мальчика, а вышла девчонка. Надежда сперва вроде расстроилась, а потом повеселела. Оно понятно, дочки, они всегда к матери ближе... Жаль, говорит, что не парень, нельзя в честь деда назвать. Но ничего, назову Алевтиной. У этого прощелыги московского, который ее соблазнил, папенька вроде какой-то большой ученый был. Имечко у него мудреное, иностранное, не то Адольф, не то Альберт, а, может, и Альфонсо... Не помню я уже.

Так и зажили. Прохиндей-то столичный, знамо дело, так и не объявился. Добрые люди советовали его найти и на алименты подать, да где ж его сыщешь... Надька не то что адреса – даже, кажись, фамилии его не знала. Виктор и Виктор. Она хоть и говорила, что любовь у них была, ухаживал красиво и все такое, да мы с мамкой не шибко ее слушали. История-то стара как мир. А мать так и не оправилась. Сердчишко у нее барахлило... Померла через три месяца, как Алька родилась. А Надежда еще через год утонула. Тяжко с ней было – все по своему подлецу кручинилась, иначе как Витюшей не называла. И Альку «Викторовной» записала. В Москве-то этой и месяца не прогостила, а воспоминаний – точно годы там прожила. Как прорвет ее, помню, как начнет рассказывать, рассказывать... Да я особо-то ее не слушала. Думаю, сочиняла девка больше...

Как померла Надюшка, я тетрадку-то ейную к себе в сундук заперла, от греха подальше. А открытки, что она с Москвы привезла, книгами заставила. Алька нашла, и меня прям огорошила. В Москву, говорит, поеду, когда вырасту. И глаза безумные, как у Надежды были. Ты уж смотри за ней, Игорь! Нечего в Москве этой делать – одно горе от нее нашей семье.

После того разговора Игорю и правда стало казаться, что Але угрожает опасность. Иногда, разглядывая любимые открытки, она необыкновенно оживлялась и рассказывала ему про Красную площадь и Арбат так уверенно, словно бывала там тысячи раз.

Аля, Аля... Никогда не знаешь, где найдет нас судьба. Лучше бы мы все втроем уехали в Москву, на поиски твоего непутевого отца и дедушки-профессора с иностранным именем... Мы бы их, конечно, не нашли. Но вы с Настенкой были бы живы...

Когда он вышел из метро, уже стемнело. Долго не мог отыскать нужный троллейбус, потом еще дольше ехал по удивительно ярко освещенным улицам. Боялся, что пропустит нужную остановку, и все время приставал с расспросами к пассажирам, пока миловидная пухленькая женщина лет сорока не успокоила его: «Да не волнуйтесь вы так, я вам покажу, где выходить!»

Видимо, это самое Гольяново было практически окраиной Москвы. Тут даже названия улиц были какие-то «дальние»: Хабаровская, Енисейская, Алтайская, Байкальская...

С помощью доброжелательной попутчицы он вышел на нужной остановке. Пугающе одинаковые белые блочные четырнадцатипятиэтажки обступали со всех сторон. Дворы, заставленные машинами и гаражными ракушками, были пусты. И это было так странно, так непривычно после шумных дворов Озерска, полных малышни и отдыхающих пенсионеров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/oleg-roy/mir-nad-propast-yu>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)